

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПРАВДА
The Truth

Величайшая
история
детства
в мире

Терри Пратчетт
Правда
Серия «Плоский мир»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269372

Правда: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28087-2

Аннотация

Ошеломительные новости! Только у нас! Только в новом, долгожданном романе Терри Пратчетта!

Вы узнаете всю правду о том, как женщина родила кобру! Знаменитый Говорящий Пес Анк-Морпорка раскроет свою морду! Люди, которых похищали эльфы и летающие тарелки, – свидетельства очевидцев! Обратни в доспехах – в Городской Страже служит вервольф?! Ну и всякие патриции-убийцы, презабавные овощи, дожди из собак, падающие метеориты и многое другое!

Правда уделает вас свободно!

Впервые на русском языке!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Терри Пратчетт Правда

Порой работающий в жанре фэнтези автор просто не может пройти мимо странностей окружающей нас действительности. То, как Анк-Морпорк преодолевал связанные с наводнением трудности, любопытнейшим образом совпадает с происходившим в Сиэтле, штат Вашингтон, в конце девятнадцатого века. Честное слово. Отправляйтесь туда и убедитесь сами. Кстати, если все ж окажетесь там, не забудьте попробовать похлебку из моллюсков.

* * *

Слух распространялся по городу со скоростью пожара (которые распространялись по Анк-Морпорку достаточно часто – с тех самых пор, как горожане узнали значение слова «страховка»).

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух всколыхнул ядовитые покровы, нависающие над Кварталом Алхимиков. Превращать свинец в золото... Вот уже много веков алхимики бились над решением этой проблемы и были совершенно уверены в том, что удача ждет их не сегодня завтра. По крайней мере, в следующий вторник. К концу месяца – определенно.

Этот слух вызвал пересуды среди волшебников Незримого Университета. Превратить один элемент в другой? Легче легкого, при условии, что ты не будешь возражать, если на следующий день он превратится обратно, – ну и какая от этого польза? Кроме того, большинство элементов вполне довольны своей жизнью и не хотят ничего менять.

Этот слух не замедлил просочиться в покрытые рубцами, опухшие, а иногда и полностью отсутствующие уши Гильдии Воров, которая, впрочем, отреагировала достаточно равнодушно. Здесь больше привыкли полагаться на надежный ломик, ну а золото... Какая разница, откуда оно берется?

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух, конечно же, достиг холодных, но поразительно чутких ушей патриция, причем достиг их очень быстро: правитель такого города, как Анк-Морпорк, просто обязан узнавать все новости первым, иначе во власти он не засидится. Вздохнув, патриций сделал соответствующую пометку и добавил листок в большую стопку похожих бумажек.

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Наконец слух добрался и до остроконечных ушей самих гномов.

– Что, правда умеем?

– Откуда мне-то знать? Лично я – нет.

– Ну да, а если б умел, то сказал бы? Вот я б не сказал.

– А ты что, умеешь?

– Нет!

– Ага!

Этот слух не миновал и стражников, заступивших промозглым вечером на охрану городских ворот. Дежурство на анк-морпоркских воротах никогда не было особо утомительным занятием. Есть ворота, есть желающие проехать; ты машешь рукой, желающие едут – вот по большей части и все обязанности. Ну а в столь темную, холодную, буквально ледяную ночь движение было совсем минимальным.

Стражники, сгорбившись, прятались под аркой ворот и по очереди затягивались мокрой самокруткой.

– Нельзя превратить что-то одно во что-то совсем другое, – заявил капрал Шноббс. – Алхимики уже много лет пытаются это сделать.

– Пока что они освоили только один тип превращения: берешь дом, получаешь глубокую яму, – сказал сержант Колон.

– Вот и я о том же, – закивал капрал Шноббс. – Это попросту невозможно. Тут всё на эти, на элементы завязано. Один алхимик мне рассказывал. Все состоит из элементов, правильно? Из земли, воды, воздуха, огня и... еще чего-то там. Широкоизвестный факт. Главное – правильно смешать, но не взбалтывать.

Шноббс потопал ногами, которые потихоньку начинали отмерзать.

– Если б можно было превращать свинец в золото, все бы только этим и занимались, – добавил он.

– Волшебники это умеют, – напомнил сержант Колон.

– Ага, ну да, *волшебники*... – презрительно отмахнулся Шноббс.

Огромная повозка с грохотом вылетела из желтоватых клубов тумана и промчалась через арку, щедро окатив Колону грязью из фирменной анк-морпоркской рытвины.

– Клятые гномы, – выругался Колон вслед удаляющейся повозке.

Правда, на всякий случай не слишком громко.

– Никогда не видел, чтобы столько гномов толкало одну повозку... – задумчиво произнес капрал Шноббс.

Повозка, накренившись, завернула за угол и скрылась из виду.

– Наверное, доверху набита золотом, – сказал Колон.

– Ха. Конечно. Чем же еще?

А потом слух достиг ушей Вильяма де Словва, где в некотором роде и закончился его путь, поскольку слух был аккуратно зафиксирован и перенесен на бумагу.

В этом и состояла работа Вильяма де Словва. Леди Марголотта Убервальдская платила ему за это пять долларов в месяц. Вдовствующая герцогиня Щеботанская также пользовалась его услугами – за ту же плату. Такую же сумму присылали король Ланкра Веренс и еще несколько аристократов с Овцепикских гор. Платил и сериф Аль-Хали, правда в данном случае плата составляла полтелеги фиг дважды в год.

В целом Вильяма такое положение дел вполне устраивало. Всего и делов-то: аккуратно написать одно письмо, перенести его (разумеется, в зеркальном виде) на кусок самшита, любезно предоставленный господином Резником, гравером с улицы Искусных Умельцев, а потом заплатить господину Резнику, дабы тот убрал те части дерева, которые не являются буквами, и сделал необходимое число оттисков на бумаге.

Разумеется, без внимательности тут никуда. К примеру, обязательно нужно было оставить пробел после вступительной фразы «Моему знатному клиенту...», который предстояло заполнить позднее, но даже после вычета всех расходов Вильям зарабатывал около тридцати долларов в месяц. Тогда как работа занимала всего-навсего один день.

Тридцать-сорок долларов в месяц – достаточная сумма для жизни в Анк-Морпорке, и не отягощенный излишними обязательствами молодой человек вполне мог на нее прожить. Фиги Вильям всегда продавал. Конечно, на фиги тоже можно было прожить, но это была, прямо скажем, фиговая жизнь.

Кроме того, имелись и побочные заработки. Для большинства жителей Анк-Морпорка мир букв был закрытой кни... загадочным бумажным объектом, поэтому обычный горожанин, если все ж у него возникала нужда верить что-либо бумаге, предпочитал воспользоваться скрипучей лестницей рядом с вывеской: «Вильям де Словв. Все По Писаному».

Взять, например, гномов. Любой гном, заявившийся в Анк-Морпорк в поисках работы, первым делом должен был отослать домой письмо, в котором бы рассказывалось о том, как

здорово все сложилось. Такое письмо писал каждый гном без исключения, в том числе и тот, у которого все настолько не сложилось, что ему, гному, от безысходности пришлось сожрать собственный шлем. Вильям даже заказал господину Резнику несколько дюжин стандартных форм – в этих шаблонах достаточно было заполнить лишь несколько пробелов, чтобы получилось письмо домой на любой вкус и цвет.

А любящие гномородители далеко в горах хранили эти письма как сокровища. Почти все эти «сокровища» выглядели примерно так:

«Дарагие [Мам и Пап]!

Доехал харашо подселился, по адресу [Анк-Мрпк Тени Заводильная 109]. У миня порядок полный. Подыскал клевою работенку у [господина С.-Р.-Б.-Н. Достабля, честного предпринимателя] и оченно скоро буду окалачивать кучу денег. Все ваши попутствия помню в трактиры, ни ногой со всякими троллями не икшаюсь. Ну вот и все пара, убежать, целую скупаю по вам и [Эрмилии], ваш любящий сын [Томас Хмурбровь]»

...Который, надиктовывая письмо, как правило слегка пошатывался. Однако двадцать пенсов есть двадцать пенсов, а в качестве дополнительной услуги Вильям подгонял орфографию под клиента и позволял тому самостоятельно расставить знаки препинания.

В тот вечер шел мокрый снег. Он таял на крыше и с журчанием стекал по водосточным трубам рядом с окнами. Вильям сидел в своей крошечной конторке над Гильдией Заклинателей и выводил аккуратненькие буквы, вполуха слушая, как в комнате этажом ниже начинающие заклинатели мучаются на вечернем занятии.

- ...Внимательнее. Готовы? Хорошо. Яйцо. Стакан.
- *Яйцо. Стакан*, – без всякого интереса пробубнил класс.
- ...Стакан. Яйцо...
- *Стакан. Яйцо...*
- ...Волшебное слово...
- *Волшебное слово...*
- Фазам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...
- *Фаз-ам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...*

Вильям придвинул очередной лист бумаги, заточил свежее перо, посмотрел на стену и принялся писать дальше:

«И наконец, о Забавном. Ходят слухи, будто бы обучились Гномы Свинец в Золото Обращать. Откуда таковая сплетня возникла, никому не ведомо, но в последнее время Гномы, идущие по своим законопослушническим делам, частенько слышат на Городских Улицах оклики типа: “Эй, шибздик, а ну-ка, сотвори мне Золотишка!” Разумеется, так неразумно ведут себя только всякие Вновь Прибывшие, ибо местные обитатели прекрасно знают: назвать гнома шибздином = верная смерть. Виш. пкрн. слуга Вильям де Слов».

Вильяму нравилось заканчивать свои донесения на радостной ноте.

Затем он достал самшитовую доску, зажег еще одну свечу и положил письмо на доску чернилами вниз. Быстрые движения ложкой перенесли чернила на деревянную поверхность, и... тридцать долларов плюс полтелеги фиг, способных обеспечить офигенное расстройство желудка, считай, уже в кармане.

Чуть позже он занесет доску господину Резнику, завтра после неспешного обеда заберет копии, и к середине недели, если все сложится благополучно, письма будут разосланы адресатам.

Вильям надел пальто, аккуратно завернул самшитовую доску в вощеную бумагу и вышел в промозглую ночь.

Мир состоит из четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды. Этот факт хорошо известен даже капралу Шноббсу. Вот только он не соответствует действительности. Есть еще и пятый элемент, так называемый Элемент Неожиданности.

Гномы действительно научились превращать свинец в золото, но весьма непростым способом. Непростой способ отличался от простого лишь тем, что обеспечивал успешный результат.

Гномы, напряженно всматриваясь в туман, толкали свою перегруженную повозку по улицам. Повозка потихоньку обрастала льдом, с бород гномов уже свисали сосульки.

Достаточно было всего-навсего одной замерзшей лужи.

Старая добрая Госпожа Удача. На нее всегда можно положиться.

Туман становился все гуще, делал тусклым свет, заглушал любые звуки. Как рассудили сержант Колон и капрал Шноббс, сегодня ночью Анк-Морпорку вторжение не грозило. Кроважадные орды варваров не включили его в свой выездной план на нынешнюю ночь. И стражники ни в коем случае не осуждали их за это.

Наконец настало время закрывать ворота. На самом деле это действие значило куда меньше, чем могло показаться, ведь ключи от города были давным-давно потеряны, а опоздавшие, как правило, бросали камешки в окна построенных на стене домов, пока не находился добрый человек, готовый отодвинуть засов. Предполагалось, что чужеземные захватчики не знают, в какое именно окно следует бросить камешек.

Затем стражники, шлепая по талому снегу и грязи, направились к Шлюзовым воротам, через которые река Анк на свой страх и риск попадала в город. Вода была не видна в темноте, лишь иногда чуть ниже парапета проплывала призрачная тень льдины.

– погоди, – сказал Шнобби, когда они схватились за рукоять опускавшей решетку лебедки. – Там кто-то есть.

– В реке? – не понял Колон.

Он прислушался: где-то внизу раздавался скрип весел в уключинах.

Сержант приставил сложенные ладони к губам и издал универсальный оклик всех стражников:

– Эй, ты!

Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме свиста ветра и плеска воды. Потом до стражников донесся голос:

– Да?

– Ты решил вторгнуться в город или что?

Снова возникла пауза.

– Что?

– Что «что»? – осведомился Колон, поднимая ставки.

– Что за другие варианты?

– Ну, ты, в лодке, ты меня не путай... Ты *вторгаешься* в этот *город* или как?

– Нет.

– Ну и ладно, – сказал Колон, который в такую ночь готов был поверить любому на слово. – Тогда проваливай, да побыстрее: мы вот-вот опустим решетку.

После некоторых раздумий плеск весел возобновился и начал удаляться вниз по течению.

– Думаешь, было достаточно просто спросить? – поинтересовался Шнобби.

– А кому об этом знать, как не им? – пожал плечами Колон.

– Да, но...

– Это была крошечная лодчонка, Шнобби. Нет, конечно, если ты хочешь совершить приятную прогулку по обледеневшим ступеням вниз к причалу...

– Не хочу, сержант.

– Тогда давай возвращаться в штаб-квартиру.

Вильям, подняв воротник, спешил к граверу Резнику. На обычно оживленных улицах почти никого не было. Только неотложные дела способны выгнать людей из домов в такую погоду. Зима обещала быть действительно скверной, похожей на холодный овощной суп из промозглого тумана, снега и забористого анк-морпоркского смога.

Взгляд Вильяма вдруг привлекло небольшое освещенное пятно рядом со зданием Гильдии Часовщиков. В центре пятна сидела какая-то сгорбленная фигурка.

Он подошел ближе.

– Горячие сосиски? В тесте? – произнес лишенный всякой надежды голос.

– Господин Достабль? – удивился Вильям.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчиво неудачливый бизнесмен в Анк-Морпорке, посмотрел на Вильяма поверх лотка для жарки сосисок. Снежинки с шипением падали на застывающий жир.

Вильям вздохнул.

– А ты сегодня припозднился, господин Достабль, – заметил он вежливо.

– Ах, господин де Словв... Торговля горячими сосисками переживает кризис, – пожаловался Достабль.

– Да уж, судя по всему, не сосиской единой мертв человек, – хмыкнул Вильям. Он не смог бы удержаться даже за сто долларов и полное судно фиг.

– Определенно. На рынке легких и тяжелых закусок нынче спад, – откликнулся Достабль, слишком погруженный в свои мрачные думы, чтобы заметить издевку. – Такое впечатление, люди вообще перестали есть сосиски в тесте.

Вильям опустил взгляд на лоток. Если Себя-Режу-Без-Ножа Достабль торговал сосисками, это было верным признаком того, что одно из его амбициозных предприятий снова потерпело крах. Торговля сосисками вразнос была нормальным состоянием в жизни Достабля, из которого он постоянно пытался выбраться и в которое неминуемо скатывался, когда очередное рискованное начинание заканчивалось неудачей. И слава богам, ведь Достабль был исключительно хорошим продавцом горячих сосисок. Учитывая то, из чего делались его сосиски.

– Жаль, я не получил хорошего образования, как ты, – подавленно произнес Достабль. – Приятная работа в помещении, тяжести таскать не надо. Будь у меня образование, я бы точно нашел свою нищу.

– Нищю?

– Один волшебник рассказывал мне о них, – объяснил Достабль. – У каждого есть своя нища, понимаешь? Место, где он должен находиться. Для чего он предназначен.

Вильям кивнул. Он знал много слов.

– То есть ниша?

– Во-во, она самая. – Достабль вздохнул. – Я прозевал свой шанс с семафором. Не понял вовремя, что надвигается. А потом – раз! Даже не успел оглянуться, как все вокруг стали владельцами клик-компаний. Большие деньги. А я рылом для такого не вышел. Но вот фенсуй... тогда у меня все карты на руках были. Просто не повезло.

– Я определенно почувствовал себя лучше, когда поставил стул в другое место, – сказал Вильям.

Совет стоил ему два доллара и включал в себя предписание держать крышку туалета закрытой, дабы Дракон Несчастья не проник в его организм через задний проход.

– Ты был моим первым клиентом, и я благодарен тебе за это, – продолжал Достабль. – У меня все было на мази, я заказал ветряные колокольчики Достабля и зеркала Достабля, оставалось только деньги загребать, ну, то есть все было создано для обеспечения максимальной гармонии, а потом... бац! Меня снова накрыло кармой.

– Это случилось ровно за неделю до того, как господин Проходи-проходи наконец оклемался, – кивнул Вильям.

Дело второго клиента Достабля оказалось весьма полезным для его новостных писем и с лихвой возместило два доллара.

– Откуда я мог знать, что Дракон Несчастья действительно существует? – попытался оправдаться Достабль.

– Изначально он и не существовал, но потом ты убедил его в этом, – сказал Вильям.

Достабль немного повеселел.

– Да уж, что ни говори, а идеи я всегда умел продавать. Вот, допустим... Сосиска в тесте – это то, в чем ты сейчас больше всего на свете нуждаешься. Убедительно?

– Честно говоря, я должен спешить к... – Вильям вдруг замолчал. – Ты ничего не слышал?

– А еще у меня где-то есть пирожки с холодной свиной, – продолжал Достабль, копаясь в лотке. – И я могу предложить их тебе по *убедительно* низкой цене...

– Я точно что-то слышал, – сказал Вильям.

Достабль наострил уши.

– Нечто похожее на грохот? – спросил он.

– Да.

Они стали пристально всматриваться в затянувшие Брод-авеню облака тумана.

Из которых весьма внезапно вынырнула огромная, закрытая брезентом повозка, надвигающаяся неотвратно и очень-очень быстро...

– Станок! Держите станок!

Это были последние слова, услышанные Вильямом, перед тем как нечто вылетело из ночной тьмы и врезало ему промеж глаз.

Слух, припиленный пером Вильяма к бумаге, точно бабочка к пробке, так и не добрался до ушей некоторых людей. А все потому, что головы этих людей были заняты иными, более темными мыслями.

Лодка с шипением взрезала речную гладь. Воды Анка неторопливо расступались перед ней и медленно смыкались за кормой.

Двое мужчин налегали на весла. Третий сидел на носу лодки. Периодически он что-то говорил. Например:

– У меня нос чешется.

– Придется потерпеть, пока на место не прибудем, – откликнулся один из гребцов.

– Вы не могли бы развязать мне руки? Он действительно чешется.

– Мы развязывали тебя, когда останавливались поужинать.

– Тогда он не чесался.

– А может, ять, еще раз треснуть его по голове, ять, веслом? А, господин Кноп?

– Неплохая мысль, господин Тюльпан.

В темноте прозвучало глухое «бум!».

– Ай.

– Лучше не шуми, приятель, а то господин Тюльпан совсем разозлится.

– Вот именно, ять.

После чего послышался шум, как будто вдруг заработал промышленный насос.

– Слушай, ты, это, особо не налегай!

– Я ж, ять, всю жизнь налегаю и жив-живехонек, господин Кноп.

Лодка медленно остановилась у небольшого, редко используемого причала. Высокого человека, который совсем недавно был центром внимания господина Кнопа, сгрузили на берег и потащили в переулочек.

Через мгновение раздался грохот колес удаляющейся в ночь кареты.

Трудно было даже представить, что в такую мерзкую ночь найдется хоть кто-нибудь, кто станет свидетелем происшедшего.

Но свидетели были. Вселенная требует наблюдения буквально за всем, иначе она тут же перестанет существовать.

Из темноты в переулочек, шаркая ногами, вышла высокая фигура. Рядом с ней ковыляла фигура значительно меньших размеров.

Обе фигуры проводили взглядами исчезающую за снеговой завесой карету.

– Так, так, так, – произнесла та фигура, что поменьше. – Любопытно. Человек связан и с мешком на голове. Очень любопытно, а?

Высокая фигура кивнула. Она была одета в огромную серую накидку, которая была велика на несколько размеров, и фетровую шляпу, которая под воздействием времени и погоды превратилась в мягкий, облегающий голову владельца конус.

– Раздрань на все, – сказала высокая фигура. – Солома и штаны, туды его в качель. А я ведь ему говорил, говорил. Десница тысячелетия и моллюск. Разрази их гром.

Немного помолчав, фигура сунула руку в карман, достала сосиску и разделила ее на две части. Одна половина исчезла под шляпой, а вторая была брошена маленькой фигурке, той, что говорила за двоих, ну, или, по крайней мере, отвечала за связную часть разговора.

– Как-то это все плохо пахнет, – заявила та фигура, что поменьше и у которой было четыре ноги.

Сосиска была съедена в тишине. Потом странная парочка продолжила свой путь в ночь.

Как голубь не может ходить, не кивая головой, так высокая фигура, казалось, не могла двигаться без непрерывного негромкого бормотания:

– Я ведь им *говорил, говорил*. Десница тысячелетия и моллюск. Я сказал, сказал, сказал. О нет. А они как дадут деру. А я им *говорил*. В туда их. Пороги. Я сказал, сказал, сказал. Зубы. Как зовут этот век. Я сказал, говорил им, не виноват же, собственно говоря, собственно говоря, само собой разумеется...

Вышеупомянутый слух добрался до ушей фигуры чуть позже, но к тому времени фигура и сама стала частью слуха.

Что же касается господина Кнопа и господина Тюльпана, о них в данный момент следует знать лишь одно: когда подобные люди называют вас «приятелем», это вовсе не значит, что они испытывают к вам дружеские чувства.

Вильям открыл глаза. «Похоже, я ослеп», – подумал он.

Потом он откинул одеяло.

А потом пришла боль.

Она была резкой и настойчивой, сконцентрированной непосредственно над глазами. Вильям осторожно поднял руку и нащупал какую-то ссадину и нечто вроде вмятины на коже, если не на кости.

Он сел и увидел, что находится в комнате с наклонным потолком. В нижней части маленького окошка скопилось немного грязного снега. Помимо постели, которая состояла лишь из матраса и одеяла, никакой мебели в комнате не было.

Глухой удар потряс здание. С потолка посыпалась пыль. Вильям встал, схватился за лоб и, пошатываясь, побрел к двери. Она привела его в несколько большее помещение, а точнее, в мастерскую.

От следующего удара щелкнули зубы.

Вильям попытался сфокусировать взгляд.

В комнате было полно гномов, которые работали за двумя длинными верстаками. А в дальнем конце комнаты гномы толпились вокруг какого-то сооружения, напоминающего замысловатый ткацкий станок.

Снова раздался глухой удар.

Вильям потер лоб.

– Что происходит? – спросил он.

Стоявший ближе к нему гном поднял голову и толкнул локтем в ребра своего соседа. Толчок быстро распространился по гномьим рядам, и вдруг комната от стены до стены погрузилась в настороженную тишину. Несколько дюжин гномов с серьезными лицами уставились на Вильяма.

Никто не умеет смотреть пристальнее, чем гном. Возможно, это объясняется тем, что между положенным по уставу круглым железным шлемом и бородой виднеется лишь очень маленькая часть лица. Лица у гномов всегда очень *сосредоточенные*.

– Гм, – сказал Вильям. – Привет?

Первым вышел из оцепенения гном, стоявший возле станка.

– Приступайте к работе, ребята, – велел он, подошел к Вильяму и уставился ему в промежность. – С тобой все в порядке, ваша светлость?

Вильям поморщился.

– А что, собственно, произошло? Помню повозку, потом что-то вдруг ударило...

– Она от нас укатилась, – пояснил гном. – И груз соскользнул. Прошу прощения.

– А что с господином Достаблем?

Гном наклонил голову.

– С тощим типом, торговавшим сосисками?

– С ним. Он не пострадал?

– Вряд ли, – осторожно ответил гном. – Он даже умудрился продать молодому Громобю сосиску в тесте. Это факт.

Вильям на секунду задумался. В Анк-Морпорке излишне доверчивых новичков поджидало множество ловушек.

– Ну хорошо, а с господином Громобоем все в порядке?

– Вероятно. Некоторое время назад он прокричал в щель под дверь, что чувствует себя гораздо лучше, но предпочитает оставаться там, где он есть. По крайней мере еще пару часов.

Гном наклонился и достал из-под верстака нечто прямоугольное, завернутое в грязную бумагу.

– По-моему, это твое.

Вильям развернул свою доску. Она была расколота ровно по центру, где по ней прокатилось колесо повозки. Все строчки были смазаны. Вильям тяжело вздохнул.

– Прости за любопытство, – сказал гном, – но что это за штука?

– Эта доска предназначалась для изготовления гравюры, – рассеянно ответил Вильям, сам не понимая, как разъяснить понятие гравюры гному, который совсем недавно приехал в город. – Ну, для гравюры, – повторил он. – Это... такой почти волшебный способ размножить написанное. Извини, но мне пора идти. Теперь придется делать другую доску.

Гном странно глянул него, взял доску и принялся вертеть в руках.

– Понимаешь, – продолжил Вильям, – гравер вырезает кусочки дерева...

– А оригинал у тебя остался? – перебил его гном.

– Прошу прощения?

– Оригинал, – терпеливо повторил гном.

– Да, конечно.

Вильям достал письмо из-за пазухи.

– Можно посмотреть?

– Да, только верни, ведь мне еще...

Некоторое время гном рассматривал письмо, потом повернулся и ударил рукой по шлему своего соседа. По комнате прокатился громкий звон.

– Десять пунктов на три, – сказал гном, передавая письмо товарищу.

Ударенный гном кивнул и начал что-то быстро выбирать из маленьких коробочек.

– Мне б домой, ведь... – начал было Вильям.

– Много времени это не займет, – заверил главный гном. – Иди сюда. Тебе как человеку букв это может показаться весьма любопытным.

Вильям двинулся за ним вдоль гномов к непрерывно клацающему станку.

– О, так это же гравюрная машина, – неуверенно произнес он.

– Только не совсем обычная, – сказал гном. – Мы ее немного... изменили.

Он взял лист бумаги из лежащей рядом с машиной пачки и передал его Вильяму.

«ГУНИЛЛА ХОРОШАГОРА И К°»

Зело просят

Предоставить работу для ихней новой

СЛОВОПЕЧАТНИ

**В коей пользуется метод производства
множественных отпечатков**

Досиле никем не видимый.

Разумные Расценки

Под Вывеской «Ведро», Тускляя улица,

Рядом с ул. Паточной Шахты, Анк-Морпорк

– Ну, что скажешь? – застенчиво спросил гном.

– Ты – Гунилла Хорошагора?

– Да. Так что скажешь?

– Ну... Буквы красивые и расположены ровно, – похвалил Вильям. – Но ничего нового я не вижу. Только вот слово «доселе» у вас с ошибкой написано. Оно пишется через «е». Неплохо бы исправить, если, конечно, ты не хочешь, чтобы над вами смеялись.

– Правда? – спросил Хорошагора и пихнул локтем одного из своих коллег: – Кеслонг, передай мне строчную «е» девяносто шесть пунктов... Большое спасибо.

Хорошагора взял гаечный ключ, наклонился над станком и принялся чем-то гремять в механическом полумраке.

– А у тебя тут работают хорошие мастера, – добавил Вильям. – Все букочки такие ровные и красивые...

Он чувствовал себя немного виноватым: ну зачем он сказал об ошибке? Скорее всего, ее никто не заметил бы. Жители Анк-Морпорка считали орфографию совершенно необязательной. Правила орфографии они соблюдали так же, как правила пунктуации. Какая разница, как располагаются эти закорючки, главное – чтобы они были.

Гном закончил свою загадочную деятельность, провел смоченной чернилами подушечкой по чему-то внутри машины и выпрямился.

– Впрочем, «е» или «и»... – *Бух!* – ...собственно, без разницы, – сказал Вильям.

Хорошагора открыл машину и без слов передал Вильяму лист бумаги.

Вильям прочел текст.

Буква «е» была на месте.

– Но как?.. – пораженно произнес он.

– Это такой почти волшебный способ быстро размножать написанное, – пояснил Хорошагора.

Рядом с ним вдруг возник гном с металлическим прямоугольником, который был заполнен написанными наоборот железными буквами. Хорошагора взял прямоугольник в руки и широко улыбнулся Вильяму.

– Не хочешь внести изменения, прежде чем мы начнем? – спросил он. – Только скажи. Пары дюжин отпечатков будет достаточно?

– О боги, – вымолвил Вильям. – Это же... отпечатная машина...

Таверна под названием «Ведро» никогда не могла похвастаться избытком посетителей. Тусклая улица была если не мертвой, то серьезно раненной в смысле деловой активности. Лишь немногие предприятия выходили на улицу фасадами, и большей частью она состояла из заборов и складских ворот. Никто уже и не помнил, почему эта улица называлась Тусклой. Хотя ничего блестящего тут отродясь не было.

Кроме того, решению назвать таверну «Ведром» вряд ли суждено было попасть в список Самых Удачных Маркетинговых Решений За Всю Историю. Владел «Ведром» господин Сыр – худой, иссохший тип, который улыбался крайне редко, в основном лишь когда ему сообщали о каком-нибудь очередном жестоком убийстве. Традиционно он торговал себе в убыток, а чтобы компенсировать потери, обсчитывал клиентов. Тем не менее таверну довольно быстро облюбовала Городская Стража и сделала ее своим неофициальным местом отдыха. Стражники предпочитали выпивать в местах, куда посторонние не заходят и где никто не может им напомнить, что на самом деле они блюстители порядка.

В каком-то смысле это было преимуществом. Даже лицензированные воры больше не пытались обнести «Ведро». Стражники очень не любят, когда им мешают выпивать. С другой стороны, господин Сыр никогда не видел, чтобы в одном месте собиралось столько мелких воришек сразу, пусть и одетых в мундиры Городской Стражи. За первый же месяц

работы на стойке таверны побывало столько поддельных долларов и всякой необычной иностранной валюты, сколько господин Сыр не встречал за все годы своей работы трактирщиком. В общем, было от чего впасть в депрессию – если б не рассказы стражников. Некоторые описания убийств были весьма и весьма занятными.

Также господин Сыр зарабатывал на жизнь тем, что сдавал в аренду близлежащие крысятники, а именно старые сараи и подвалы домов, примыкающих к таверне. Эти помещения – периодически и на довольно-таки короткий срок – снимались полными энтузиазма предпринимателями, которые свято верили в то, что современный мир никак не может больше прожить без, допустим, надувных мишеней для игры в дартс.

В данный момент у входа в «Ведро» собралась небольшая толпа, которая читала объявление о «доселе не видимой» словопечатне. Хорошагора вывел Вильяма на улицу и прибил к двери исправленный вариант.

– Еще раз извини, – сказал он. – Здорово мы тебя припечатали. Так что твое письмо – за счет заведения.

Домой Вильям пробирался боковыми улочками, чтобы случайно не наткнуться на господина Резника. Оказавшись у себя в камерке, он вложил отпечатанные листы в конверты и отнес их посыльным у Пупсторонних ворот. В этом месяце работа была исполнена на несколько дней раньше обычного.

Посыльные одарили его несколькими странными взглядами.

Снова вернувшись домой, Вильям первым делом подошел к зеркалу над раковиной. Большую часть лба занимал переливающийся всеми цветами радуги отпечаток буквы «Р».

Вильям наложил на лоб повязку.

Однако у него еще оставалось целых восемнадцать экземпляров отпечатанного гномами письма. И тут ему в голову пришла достаточно смелая мысль. Он отыскал в своей картотеке адреса восемнадцати самых влиятельных горожан, которые, возможно, могли бы себе позволить незначительные расходы, написал каждому краткую сопроводительную записку, предложив свои услуги за... Немножко подумав, он аккуратно вписал «5\$» и вложил оставшиеся отпечатки в конверты. Конечно, он всегда мог попросить господина Резника изготовить дополнительные копии, но это почему-то казалось *неправильным*. Одну такую доску старик-гравер вырезал целый день, и просить его отпечатать побольше писем было своего рода неуважением к его труду. Но уважать какие-то куски железа и механизмы? Машины – это ж не живые люди.

С этого-то и начались все неприятности. Они просто не могли не начаться. И он честно предупредил об этом гномов, хотя они на удивление равнодушно отнеслись к его прогнозам.

Карета подъехала к большому городскому особняку. Дверца открылась. Дверца закрылась. В двери особняка постучались. Дверь открылась. Дверь закрылась. Карета уехала.

Тяжелые шторы в одной из комнат, располагавшейся на первом этаже, были плотно задернуты, и сквозь них на улицу пробивалось лишь тусклое свечение. Голоса, которые также проникали сквозь шторы, были едва слышны, но любой внимательный слушатель мог заметить, что вдруг шум разговора резко стих. Потом раздался стук упавшего на пол кресла, и внезапно несколько людей заорали во все горло:

– Это и в самом деле он!

– Над нами что, решили подшутить?!

– Будь я проклят!

– Да он такой же *он*, как и я!

Постепенно крики стихли. А потом раздался чей-то очень спокойный голос:

– Ну хорошо. Хорошо. Можете его увести, господа. Поместите его в подвал и обеспечьте ему максимальные удобства.

Послышались шаги. Дверь открылась и закрылась.

– Можно просто подменить... – раздраженно начал было кто-то.

– Нет, нельзя. К счастью, насколько мне известно, наш гость не отличается выдающимся интеллектом, – продолжил первый говоривший.

Возражать этому голосу было не то чтобы немислимо, а просто невозможно. Этот голос привык звучать в компании благодарных слушателей.

– Но он выглядит как точная копия...

– Да. Поразительно, не правда ли? И все же не будем чрезмерно усложнять ситуацию. Мы, господа, так сказать, караульные лжи. Мы одни стоим между этим городом и забвением, которое его ждет. Так не упустим же свой шанс. Возможно, Витинари действительно желает, чтобы люди стали меньшинством в этом великом городе, но, честно говоря, его гибель от рук наемного убийцы была бы... очень некстати. Она бы вызвала смуту, а смутой трудно управлять. Кроме того, как всем нам известно, кое-кто также может воспользоваться данным исходом. Нет. Есть третий путь. Плавный переход из одного состояния в другое.

– А что будет с нашим новым другом?

– О, нанятые нами специалисты славятся своей изобретательностью. Уверен, они знают, как следует поступить с человеком, лицо которого более ему не подходит.

Раздался смех.

Обстановка в Незримом Университете была несколько напряженной. Глядя в небо, волшебники быстро-быстро перебежали от здания к зданию.

Первопричиной суеты были, разумеется, лягушки. Не дожди из лягушек (нынче подобные бедствия случались в Анк-Морпорке очень и очень редко), а древесные лягушки родом из влажных джунглей Клатча. Эти проворные разноцветные существа, выделявшие самый смертоносный токсин в мире, счастливо обитали в огромном виварии, уход за которым был поручен студентам-первокурсникам (типа, если что, то невелика потеря: общий образовательный уровень не слишком пострадает).

Но иногда клатчскую древесную лягушку извлекали из вивария и помещали в небольшую банку. Там она на короткое время становилась действительно счастливой, после чего засыпала и просыпалась уже в бескрайних небесных джунглях.

Именно таким образом Университет получал активный ингредиент для пилюль, скармливаемых казначею и поддерживающих его в здравом уме – по крайней мере, *внешне*, ибо не все было так просто в старом добром НУ. На самом деле казначей был неизлечимым сумасшедшим и галлюцинировал более или менее непрерывно, но как-то раз, испытав особо жестокий приступ вертикального мышления, его коллеги-волшебники пришли к дружному выводу, что проблему казначея все-таки можно решить. Главное – найти формулу, которая заставит его *постоянно галлюцинировать, что он абсолютно в здравом уме*¹.

И эта идея действительно сработала. Правда, после нескольких неудачных попыток – на определенном этапе казначей несколько часов кряду считал себя книжным шкафом. Зато теперь он непрерывно галлюцинировал, будто является университетским казначеем. Это почти оправдывало побочные эффекты, а в частности – его уверенность в том, что он умеет летать.

Вообще на просторах множественной вселенной подобная уверенность не такой уж редкий случай, особенно после приема местного эквивалента пилюль из сушеных лягушек. Съев пару таких таблеток, человек нередко решает, что тяготение – это дело наживное. В результате он доставляет массу хлопот элементарной физике, а на улице внизу возникает

---

¹ Кстати, широко распространенная галлюцинация, которой страдает большинство людей.

небольшая транспортная пробка. Но когда о способности летать галлюцинирует волшебник, все обстоит несколько иначе...

– Казначей! Сию минуту спускайся! – пролаял в мегафон аркканцлер Наверн Чудакулли. – Ты прекрасно знаешь, я запретил тебе взлетать выше стен!

Казначей пошел на посадку в сторону лужайки.

– Ты меня звал, аркканцлер?

Чудакулли помахал перед ним листком бумаги.

– Ты как-то говорил, что мы тратим уйму денег на граверов, верно?

Приложив некоторые усилия, казначей переключил свой мозг на более или менее нормальную скорость.

– Говорил? Я?

– Да. Обвинил нас в «подрывании бюджета». Именно так и выразился. Как сейчас помню.

Некоторое время коробка передач, заменявшая казначею мозг, натужно скрипела. Наконец одна из шестеренок зацепила другую.

– О. Да, да, да. Как верно, – согласился казначей. Со щелчком на место встала еще одна шестеренка. – Целое состояние, каждый год. Гильдия Граверов...

– А вот этот парень заявляет, – аркканцлер сверился с листком, – что у него каждая тысяча слов – доллар. При заказе не менее десяти копий. Это дешево?

– По-моему, гм, у него что-то не то с резьбой, аркканцлер, – сказал казначей, наконец заставив свой голос звучать льстиво и успокаивающе. Как он знал из собственного опыта, при разговоре с Чудакулли это было самым разумным поведением. – Такой мизерной суммы не хватит даже на то, чтобы оправдать самшит.

– А еще здесь говорится... – Зашуршала бумага. – Размер букв – до десятого кегля, – сообщил Чудакулли.

Казначей на мгновение потерял над собой контроль.

– Да этот человек просто чудакнутый!

– Что?

– Прости, аркканцлер, я хотел сказать, такого быть не может! Даже если предположить, что кто-то способен вырезать столь мелкие букочки, дерево начнет крошиться уже после двух отпечатков!

– Судя по всему, ты в этом хорошо разбираешься...

– Мой двоюродный дедушка был гравером, арк-канцлер. Счета за граверов – одна из основных статей расхода, как тебе хорошо известно. Не хочу хвастать, но с полной уверенностью могу сказать: мне удалось снизить цены Гильдии до самого...

– Ага, и теперь ты посещаешь каждый их ежегодный кутеж.

– Ну, Университет – крупный заказчик. Естественно, он получает приглашение на официальный банкет, а я как человек, занимающий не последнюю должность, считаю частью своих обязанностей...

– Пятнадцать блюд, как я слышал.

– ...и, конечно, соблюдая нашу политику поддержания дружеских отношений с городскими Гиль...

– *Не считая* орешков и кофе.

Казначей замаялся. Порой аркканцлер был туп как пробка, но порой демонстрировал очень неприятную для собеседника проницательность.

– Проблема в том, аркканцлер, – попытался объяснить он, – что мы всегда возражали против использования подвижных литер. По магическим причинам, ведь...

– Да, да, знаю, – перебил его аркканцлер. – Но каждый день появляется что-то новое, какие-то... бланки, таблицы и боги знают, что еще. Ненавижу все эти бумаги, они только кабинет засоряют...

– Да, аркканцлер. Поэтому ты рассовываешь их по ящикам, а ночами выбрасываешь в окно.

– Чистый стол – чистый ум, – наставительно произнес аркканцлер и сунул листовку в руку казначея. – Почему бы тебе не сбежать туда? Вдруг это не пустое сотрясение воздуха? Подчеркиваю: *сбежать*, а не слетать. Большое спасибо.

На следующий день Вильям решил прогуляться к расположившимся за «Ведром» сараям. Честно говоря, его туда тянуло. Да и работы не было, а бездельничать он не любил.

Считается, что мир населяют люди двух типов. Одни, когда им подносят наполовину полный стакан, говорят, что он наполовину полон, а другие – что наполовину пуст.

Однако на самом деле мир принадлежит тем, кто, посмотрев на стакан, воскликнет: «А что случилось с этим стаканом? Простите? Простите?! Это что, мой стакан? Вот уж *вряд ли*. *Мой* стакан был полон! И он был куда *больше!*»

А на другом конце всемирной барной стойки сосредоточились люди другого типа, чей стакан разбит либо нечаянно опрокинут (как правило, теми, кто требует принести стакан большей емкости) или у которых совсем нет стакана, потому что они стоят в задних рядах и не могут привлечь внимание бармена.

Вильям принадлежал к «бесстаканным». Что было весьма странно, ведь он появился на свет в семье, которая не только владела очень большими стаканами, но и могла позволить себе содержать людей, дежуривших с бутылками наготове, дабы обеспечить постоянную наполненность этих самых стаканов.

Однако Вильям добровольно принял свою бесстаканность – и сделал это в достаточно раннем возрасте, сразу после окончания школы.

Брат Вильяма Руперт поступил в Акн-Морпоркскую школу наемных убийц, считавшуюся лучшим учебным заведением в мире для представителей полностаканного класса. А Вильяма, как менее важного сына, послали в Угарвард – школу-интернат, настолько мрачную и спартанскую, что только представителям высшего класса могло прийти в головы посылать туда своих сыновей.

Угарвард представлял собой гранитное здание, построенное на пропитанной нескончаемыми дождями вересковой пустоши, и здесь, как было заявлено в официальной презентации, из юношей делали мужчин. Применяемая концепция обучения предусматривала определенные потери и заключалась, насколько помнил Вильям, в очень простых и весьма насильственных играх под крайне полезным для здоровья дождем со снегом. Маленькие, медлительные, толстые и просто непопулярные ученики безжалостно отсеивались, как и было предназначено природой, но естественный отбор весьма многолика штука, и Вильям обнаружил в себе некоторые способности к выживанию. К примеру, для того чтобы выжить на спортивной площадке, следовало быстро бегать и громко кричать, все время оказываясь – необъяснимым образом! – подальше от мяча. Как ни странно, тем самым он заработал себе репутацию пронырливого юноши, а пронырливость всегда высоко ценилась в Угарварде хотя бы потому, что действительные достижения в этой школе встречались достаточно редко. Преподавательский состав Угарварда искренне верил в то, что хорошо развитая пронырливость способна заменить менее значимые качества характера, такие как ум, предусмотрительность и воспитанность.

Та же самая пронырливость помогла Вильяму подружиться со словами. В Угарварде грамотность была не в почете, поскольку предполагалось, что тамошним выпускникам ручка понадобится лишь для того, чтобы написать свое имя (а этим искусством после

трех-четырёх лет обучения овладевали многие, если не все), и, пока шкафообразные форварды, которым предстояло стать, как минимум, местечковыми управителями или головами, усердно сопя, пытались научиться держать ручку так, чтобы не сломать ее, Вильям мирно коротал долгие дни за чтением того, что он сам пожелает.

Школу Вильям покинул с хорошим табелем успеваемости – обычное дело для ученика, лицо которого преподаватели вспоминают лишь с очень большим трудом. Но после этого у де Словва-старшего возникла проблема, что делать дальше со своим отпрыском.

Вильям был младшим сыном, а по традиции таких посылают в какой-нибудь храм или еще куда-нибудь подальше, откуда они не могут нанести серьезного вреда. Но увлечение чтением уже принесло свои плоды. Вильям понял, что относится к молитве не иначе как к изощренному способу умиротворения природных бедствий.

Область земельного управления выглядела более привлекательно, но, по мнению Вильяма, земля в общем и целом неплохо управляла собой сама, без чьей-либо посторонней помощи. Он был полностью на стороне сельской местности – при условии, что она находилась по другую сторону окна.

Карьера военного его также не прельщала. Вильяму претило убивать людей, с которыми он даже не был знаком.

Зато ему нравилось читать и писать. Ему *нравились* слова. Слова не кричали, не издавали громких звуков, чего нельзя было сказать о членах его семьи. Они не требовали месить грязь в промозглую погоду. Не принуждали охотиться на безобидных животных. Они делали то, что им велели. Поэтому он сказал, что хочет выбрать карьеру писаря.

Его отец буквально взорвался. В его личном мирке писари находились всего на одну ступень выше учителей. О боги, они ведь даже не знают, с какой стороны к лошади подходить! Дальше были и другие Слова.

Так Вильям очутился в Анк-Морпорке – там, куда съезжаются все потерянные и заблудшие души. Так он и стал зарабатывать на жизнь словами, на тихую, мирную жизнь. Но, как считал сам Вильям, он еще легко отделался по сравнению с братом Рупертом, который был большим и добродушным – прирожденным учеником Угарварда, вот только родился он первым, а не вторым.

А потом разразилась война с Клатчем...

Ее нельзя было назвать значительной, она закончилась, даже не начавшись, – она была войной, в существовании которой не хотела признаваться ни одна из воевавших сторон, но одним из событий, произошедших за несколько бестолковых дней этой жалкой заварушки, была смерть Руперта де Словва. Он умер за свои убеждения, одним из которых – чисто угарвардская черта – была вера в то, что храбрость способна заменить доспехи. Что если заорать погромче, то клатчцы развернутся и обратятся в бегство.

Во время последней встречи с Вильямом отец достаточно долго распространялся о славных и благородных традициях де Словвов. Большею частью де Словвы считали традиционным нести весьма неприятную погибель всяким чужеземцам, но вторым почетным призом, насколько понял Вильям, было самим сложить голову на поле брани. Де Словвы всегда откликались на зов города. Только для этого они и *существовали*. Вот и семейный девиз гласил: «Верное Слово В Нужном Месте». Лорд де Словв никак не мог понять, почему Вильям не захотел поддержать столь славную традицию и поступил так, как всегда поступал в подобных случаях, то есть... никак не поступил.

Ныне между де Словвами пролегалла вечная мерзлота тишины, по сравнению с которой даже зимний мороз мог показаться сауной.

Предаваясь мрачным размышлениям о прошлом, Вильям наконец добрал до словопечатни, однако внутри его ждал приятный сюрприз: там университетский казначей оживленно спорил с Хоршагорой о теории слов.

– Погоди, погоди, – говорил казначей. – Несомненно, *фигурально* выражаясь, слово состоит из отдельных букв, но они, если можно так выразиться... – он грациозно помахал длинными пальцами, – существуют лишь теоретически. Несомненно, они, то есть буквы, – это всего-навсего потенциальные частицы слова, а потому в высшей степени наивно полагать, будто они обладают действительным существованием, так сказать, униально и сепаративно. Да и сама идея обладания буквами физического существования является с философской точки зрения крайне пугающей. Как, несомненно, и идея о носгах или пальцах, бегающих по миру самостоятельно...

«Три раза “несомненно”», – подумал Вильям, привыкший замечать подобные вещи. Если человек за достаточно короткое время целых три раза произносит «несомненно», это свидетельствует о том, что его внутренняя пружина вот-вот лопнет.

– У нас целые ящики букв, – без всякого выражения произнес Хорошагора. – Мы можем составить из них любые слова.

– В этом вся и беда, понимаешь! – воскликнул казначей. – А если металл запомнит слова, которые отпечатал? Граверы, по крайней мере, переплавляют пластины, и очищающая сила огня...

– Прошу прощения, ваша волшебность, – перебил его Хорошагора.

Один из гномов осторожно похлопал его по плечу и передал лист бумаги, который был тут же вручен казначею.

– Молодой Кеслонг приготовил тебе небольшой сувенир на память, – пояснил Хорошагора. – Пока ты говорил, он набирал. И вот, прямиком с отпечатной плиты. Быстрый паренек.

Казначей попробовал смерить молодого гнома строгим взглядом, хотя с гномами подобная тактика усмирения никогда не работала: там и мерить-то было особо нечего.

– Правда? – наконец буркнул казначей. – Как интересно... – Он пробежал взглядом лист.

И выпучил глаза.

– Но это же... Когда я говорил... Я ж только что это сказал... Как вы узнали, о чем я буду говорить... Мои точные слова... – заикаясь, забормотал казначей.

– Точные и совсем не оправданные, – добавил Хорошагора.

– *Минуточку*... – тут же вскинулся казначей.

Вильям оставил их спорить дальше и отправился в экскурсию по словопечатне. Вот отпечатная плита – большой плоский камень, используемый в качестве верстака. Это понятно, все граверы пользуются таким. Вот гномы снимают листы бумаги с металлических букв, и это тоже понятно. Кстати, слова казначея были действительно ничем не оправданы. Душа у металла? Это же просто смешно.

Вильям заглянул через голову гнома, который усердно собирал буквы в маленьком железном лотке – короткие пальцы так и летали над подносом со шрифтом. Все прописные буквы лежали в коробочках в верхней части подноса, строчные – в нижней. По движениям рук можно было догадаться о том, какой текст набирал гном.

– \$-\$-\$-а-р-а-б-о-т-а-й-В-С-в-о-б-о-д-н-о-е-В-р-е-м-я... – пробормотал Вильям.

Вдруг его посетила догадка. Нет, не догадка – это была абсолютная уверенность. Вильям опустил взгляд на грязные листы бумаги, лежащие рядом с лотком.

Мелкий остроконечный почерк безошибочно идентифицировал автора как хапужного прощельгу, напрочь лишённого деловой хватки.

На Себя-Режу-Без-Ножа никогда не садились мухи – боялись, что он сдерет с них арендную плату.

Вильям машинально достал из кармана блокнот и аккуратно записал в нем, используя придуманные им самим сокращения:

«Поразт. соб. нач. прсх. в Грд. в свз. с откр. Слвпчтни гнм. Г. Хорошагорой (пд. вывес. «Ведра»), чт. вызв. знч. инт. у мн. гржн., вкл. вед. торгвц.».

Прервавшись, он прислушался. Разговор в другом конце комнаты явно приобретал более дружелюбный характер.

– *Сколько-сколько?* И это за тысячу штук? – переспросил казначей.

– Чем партия больше, тем дешевле, – откликнулся Хорошагора. – Но мы работаем и с маленькими тиражами.

Лицо казначея засветилось теплотой, как у человека, который привык иметь дело с числами и который вдруг увидел, что некое огромное и очень неприятное число буквально на глазах уменьшается до незначительных размеров. В таких обстоятельствах у принципов нет ни единого шанса. А на видимой части лица Хорошагоры появилась жадная ухмылка, как у человека, который только что научился превращать свинец в еще большее количество золота.

– Конечно, такие большие контракты утверждает лично аркканцлер, – промолвил казначей, – но смею тебя уверить: он *очень внимательно прислушивается* ко всему, что я скажу.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, ваша волшебность, – радостно откликнулся Хорошагора.

– Гм, кстати, – задумчиво произнес казначей, – у вас тут существует такая вещь, как ежегодный банкет?

– Да, определенно, – ответил гном.

– И когда он состоится?

– А когда надо?

«Сд. по всму, вт-вт. бдт. закл. круп. едлк. с 1 Образ. Учр. Грд.», – написал Вильям, а потом, поскольку был честным человеком, добавил: «Инф. из Дов. Ист.».

Совсем неплохо. Только сегодня утром он разослал письма, а на руках уже важная информация для следующего послания...

...Которое заказчики ожидают получить не раньше через месяц. Однако к тому времени важная информация станет не столь уж важной – есть такое смутное, но вполне определенное ощущение. С другой стороны, если он не донесет эти новости, кто-нибудь обязательно выкажет недовольство. Как в прошлом году с тем дождем из собак, случившимся на улице Паточной Шахты. Ладно бы забыл сообщить, так ведь дождя и вовсе не было!

Можно, конечно, попросить гномов подобрать буквы покрупнее... Но одной сплетни маловато будет.

Проклятье.

Нужно подсуетиться и найти что-нибудь еще.

Действуя скорее импульсивно, Вильям подскочил к уже собиравшемуся уходить казначею.

– Э-э, прошу прощения...

Казначей, пребывая в бодром и радостном расположении духа, доброжелательно поднял бровь.

– Гм? – спросил он. – Господин де Словв, если не ошибаюсь?

– Да, он самый... Я...

– Спасибо за предложение, но Университет располагает собственными записными кадрами, – отмахнулся казначей.

– Э-э... Я просто хотел узнать, что ты думаешь о новой отпечатной машине господина Хорошагоры, – сказал Вильям.

– Зачем?

– Э-э... Ну, я просто хотел бы знать. Чтобы рассказать об этом в своем новостном письме. Понимаешь? Точка зрения ведущего специалиста анк-морпоркского чарологического учреждения и всякое такое.

– О? – Казначей задумался. – Ты имеешь в виду те писульки, которые ты рассылаешь герцогине Щеботанской, герцогу Сто Гелитскому и прочим подобным людям?

– Именно, господин, – подтвердил Вильям.

Волшебники были такими снобами.

– Гм... Что ж, пожалуй, ты можешь написать, что, по моему мнению, это шаг в нужном направлении, который... будет приветствован всеми прогрессивно мыслящими людьми и который наконец втащит наш брыкающийся и вопящий город в век Летучей Мыши. – Под орлиным взором казначей Вильям прилежно зафиксировал эти слова в своем блокнотике. – Кстати, мое полное имя – доктор А. А. Круттивертти, доктор математики (седьмой), доктор чарологии, бакалавр оккультизма, магистр кулинарии... Круттивертти через «о».

– Конечно, доктор Круттивертти. Вот только, э-э, век Летучей Мыши уже подходит к концу. Может, ты хочешь, чтобы наш брыкающийся и вопящий город наконец *вытащили* из века Летучей Мыши?

– Несомненно.

Вильям записал и это. Для него всегда было загадкой, почему кого-то, кто тем временем брыкается и вопит, обязательно нужно тащить. Почему нельзя просто взять за руку и повести?

– Надеюсь, ты пришлешь мне экземпляр своего письма? – осведомился казначей.

– Конечно, доктор Круттивертти.

– Если еще что-нибудь понадобится, спрашивай, не стесняйся.

– Спасибо, доктор. Кстати, насколько мне известно, Незримый Университет всегда выступал против использования наборного шрифта.

– О, я думаю, настало время раскрыть свои объятия волнующим перспективам, которые сулит нам наступающий век Летучей Мыши, – пояснил казначей.

– Мы... Э-э, как я упоминал, доктор, он уже всюю отстывает.

– Стало быть, нужно поторопиться, не так ли?

– Верно подмечено.

– Что ж, мне пора лететь, – сказал казначей. – Жаль только, нельзя.

Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, потыкал пером в чернильницу, проламывая покрывающую чернила тонкую корочку льда.

– Почему ты не заведешь себе нормальный камин? – спросил Гьюнон Чудакулли, первосвященник Слепого Ио и неофициальный представитель городского религиозного истэб-лишмента. – Я, конечно, не сторонник душных помещений, но здесь откровенно холодно!

– Слегка свежо, не без этого, – согласился лорд Витинари. – Странно, но лед светлее чернил. Чем это вызвано, как думаешь?

– Вероятно, наукой, – расплывчато изрек Гьюнон.

Подобно своему брату Наверну, волшебнику и аркканцлеру НУ, Гьюнон не любил занимать свою голову заведомо дурацкими вопросами. И боги, и магия нуждались в разумных, непоколебимых людях, а братья Чудакулли были непоколебимы, как скалы. И примерно так же разумны.

– А. Неважно... О чем мы там говорили?

– Хэвлок, ты должен положить этому конец, понимаешь? У нас ведь была договоренность.

Витинари, похоже, занимали только чернила.

– Должен, ваше преосвященство? – переспросил он спокойным тоном, не поднимая головы.

– Ты же знаешь, все мы дружно выступаем против этой чепухи с подвижными литерами!

– Напомни мне еще раз... Смотри, смотри, он постоянно всплывает на поверхность! Гьюнон вздохнул.

– Слова слишком важны, чтобы доверить заботу о них механизмам. Мы ничего не имеем против граверов. Ничего не имеем против слов, которые надежно закреплены. Но слова, которые можно разобрать, а потом сделать из них другие слова... Это же чрезвычайно опасно! Мне казалось, ты тоже это не одобряешь?

– В широком смысле не одобрял и не одобряю, – подтвердил патриций. – Но долгие годы управления этим городом, ваше преосвященство, научили меня одной очень важной вещи: вулкану тормоза не приделаешь. Иногда разумнее позволить событиям развиваться естественным путем. Вскоре они перестают развиваться и умирают. Так происходит чаще всего.

– Раньше, Хэвлок, ты не отличался столь снисходительным отношением, – заметил Гьюнон.

Патриций посмотрел на него холодным взглядом, который длился ровно на пару секунд дольше, чем того требовала комфортность.

– Гибкость и понимание всегда были моим девизом, – сказал он.

– О боги, правда?

– Абсолютная. А сейчас я хочу, чтобы ты и твой брат, ваше преосвященство, проявили некоторую гибкость. Напоминаю, это предприятие основано гномами. Кстати, ваше преосвященство, назови-ка мне самый крупный гномий город.

– Что? О... Сейчас вспомню... По-моему, это...

– Да-да, именно так все и реагируют. Но на самом деле это Анк-Морпорк. Здесь сейчас живет более пятидесяти тысяч гномов.

– Не может быть!

– Уверю тебя. Недавно мы установили очень хорошие связи с сообществами гномов Медной горы и Убервальда. Имея дело с гномами, я всегда старался, чтобы дружественная рука нашего города была слегка наклонена вниз. Кстати, учитывая нынешнее временное охлаждение в наших отношениях, все мы весьма рады, что баржи, груженные на гномьих рудниках углем и осветительным жиром, прибывают в город каждый день. Улавливаешь, что я имею в виду?

Гьюнон бросил взгляд на камин, в котором тлел одинокий кусочек угля.

– Кроме того, – продолжил патриций, – игнорировать этот новый тип, гм, отпечатки становится все сложнее. Крупные отпечатки уже существуют в Агатовой империи, а также в Омнии, о чем ты наверняка знаешь. Именно из Омнии в огромных количествах поставляются «Книга Ома» и памфлеты, которые там так популярны.

– Фанатичные бредни... – пожал плечами Гьюнон. – Ты давно должен был их запретить.

На сей раз взгляд патриция был куда более продолжительным.

– *Запретить* религию, ваше преосвященство?

– Ну, под запретом я имел в виду...

– Никто и никогда не называл меня деспотом, ваше преосвященство, – отчетливо произнес лорд Витинари.

– По крайней мере, дважды, ха-ха-ха, – решил разрядить обстановку Гьюнон Чудакулли.

Правда, слегка неудачно.

– Прошу прощения?

– Я сказал: по крайней мере, дважды... Ха-ха-ха.

– Вынужден извиниться, но я действительно не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Так, небольшая шутка, Хэв... ваше сиятельство.

– А. Шутка. Ха-ха, – сказал лорд Витинари. Слова завяли еще в воздухе. – Да. Так вот. В общем и целом омниане обладают полной свободой в том, что касается распространения благих вестей, поступивших от Ома. Однако не стоит унывать! Думаю, Ио не менее исправно снабжает вас своими благими вестями.

– Что? О да, конечно. В прошлом месяце он немного простудился, но быстро поправился.

– Грандиозно. Воистину благая весть. Не сомневаюсь, наши отпечатники с радостью распространят ее по городу. Удовлетворят все ваши требования, даже самые строгие.

– Стало быть, ваше сиятельство, вы печетесь только о нашем благополучии?

– Разумеется, – подтвердил лорд Витинари. – Мои мотивы, как всегда, абсолютно прозрачны.

Гьюнон подумал, что «абсолютно прозрачны» может означать одно из двух: либо эти самые мотивы видны насквозь, либо их просто нельзя увидеть.

Лорд Витинари просмотрел несколько лежащих на столе бумаг.

– Как вижу, за прошедший год Гильдия Граверов трижды поднимала свои расценки.

– А... Понимаю... – протянул Гьюнон.

– В основе всякой цивилизации лежат слова, ваше преосвященство. Собственно, цивилизация – это и есть слова. А столь важными вещами разбрасываться не стоит. Мир крутится, ваше преосвященство, и мы должны поспевать за ним. – Патриций улыбнулся. – Было время, когда народы дрались между собой, точно огромные хрюкающие животные в болоте. Анк-Морпорк правил большей частью этого болота, потому что у него были более острые когти. Но сейчас место железа заняло золото, и, боги не дадут соврать, анк-морпоркский доллар стал самой надежной в мире валютой. А завтра... возможно, оружием станут слова. Самые лучшие слова, самые быстрые слова, последние слова. Выгляни в окно. Что ты там видишь?

– Туман, – ответил первосвященник.

Витинари вздохнул. Иногда погода не помогала, а только мешала разговору.

– *Если бы день был ясным*, – резко произнес он, – ты увидел бы высокую клик-башню, стоящую на другом берегу реки. Слова прилетают сюда из самых дальних уголков континента. Еще недавно на то, чтобы обменяться письмами с посланцем в Орлее, у меня уходил целый месяц. А сейчас я могу получить его ответ на следующий день. Некоторые вещи стали гораздо проще, но одновременно все стало намного сложнее. Мы должны изменить наш образ мысли. Должны идти в ногу со временем. Ты о клик-торговле слышал?

– Конечно. Торговые суда постоянно...

– Я имею в виду, теперь ты можешь послать сообщение по семафору в Орлею и заказать, скажем... пинту креветок. Разве это не замечательно?

– Но они же протухнут, пока их сюда привезут!

– Конечно. Я просто привел пример. А теперь представь, что креветка – это сгусток информации! – воскликнул лорд Витинари, и глаза его засверкали.

– То есть... креветки могут путешествовать по семафору? – осторожно уточнил первосвященник. – Разумеется, их можно попробовать зашвырнуть как можно дальше, но...

– Я пытаюсь объяснить тебе тот факт, что информация тоже продается и покупается, – перебил лорд Витинари. – А также еще один простой факт: то, что раньше казалось невозможным, теперь вполне осуществимо. Короли и правители приходят и уходят, оставляя после себя лишь изваяния в пустыне, а пара молодых людей, скромно трудящихся в своей мастерской, меняет весь мировой уклад.

Патриций подошел к столу, на котором была разложена карта Диска. Это была рабочая карта, то есть человек, который ею пользовался, привык обращаться к ней довольно часто. Карта вся была испещрена надписями и пометками.

– Мы всегда боялись нашествия захватчиков извне, – сказал патриций. – Всегда считали, что перемены придут из-за городских стен, несомы на острие меча. А потом огляделись и поняли, что перемены приходят из головы самого обычного человека. Встретив его на улице, мы даже не обратим на него внимания! В определенных условиях было бы разумнее отрубить эту голову, но в последние дни таких голов появилось слишком много.

Витинари показал на рабочую карту.

– Тысячу лет назад мы считали, что мир похож на чашу. Пятьсот лет назад мы точно знали, что мир – это шар. Сейчас мы уверены, что мир круглый и плоский и покоится на спине у слонов, которые стоят на гигантской черепахе. – Он повернулся и снова улыбнулся первосвященнику. – Интересно, какую форму мир приобретет завтра?

Славная семейная традиция Чудакулли гласила: не выпускай нить, пока не распустишь весь предмет одежды.

– А кроме того, у них такие маленькие, похожие на щипчики штучки, которые постоянно цепляются...

– У кого?

– У креветок. Они цепляются...

– Ты воспринял меня слишком буквально, ваше преосвященство, – резко произнес Витинари.

– О.

– Я просто пытался объяснить, что, если не поймать события за шиворот, они схватят нас за горло.

– О да, ваше сиятельство, это может закончиться большой бедой, – глубокомысленно изрек Чудакулли.

Эта фраза всегда работала, в любом споре. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев она соответствовала истине.

Лорд Витинари вздохнул.

– Закончиться большой бедой... – повторил он. – Что ж, так зачастую и происходит. Такова природа вещей. И нам остается лишь уйти с песней. – Он выпрямился. – И тем не менее я лично нанесу визит гномам, о которых шла речь.

Патриций протянул руку, чтобы позвонить в стоящий на столе колокольчик, но вдруг остановился, улыбнулся первосвященнику и снял со специальных крючков бронзовую, отделанную кожей трубку. Ее нижняя половина была исполнена в виде головы дракона.

Свистнув в трубку, он произнес:

– Господин Стукпостук? Мою карету...

– Мне кажется, – сказал Чудакулли, бросив беспокойный взгляд на клыкастую переговорную трубку, – или здесь действительно воняет?

Лорд Витинари непонимающе посмотрел на него, потом опустил глаза.

Под его столом стояла корзина. В ней, как могло показаться на первый взгляд (и определенно на первый нюх), лежала дохлая собака. Всеми четырьмя лапами вверх. Только перидическое дуновение ветерка свидетельствовало о том, что внутри животного еще происходят какие-то процессы.

– Это все из-за зубов, – холодно произнес Витинари.

Пес Ваффлз повернулся на бок и устался на первосвященника злобным черным зрачком.

– Выглядит совсем неплохо для песика его возраста, – похвалил Гьюнон, предприняв отчаянную попытку вскарабкаться вверх по склону, который вдруг стал очень и очень крутым. – Сколько ему сейчас?

– Шестнадцать, – ответил патриций. – То есть больше ста, если по человеческим меркам.

Выпустив из недр корзины зловонное облако, Ваффлз заставил себя принять сидячее положение и зарычал.

– А на вид такой здоровый... – сказал Гьюнон, стараясь не дышать. – Для своего возраста, разумеется. А к запаху... К нему ведь привыкаешь.

– К какому запаху? – спросил лорд Витинари.

– А. Ну да. Конечно, – тут же согласился Гьюнон.

Вскоре карета лорда Витинари, грохоча по покрытым грязным снегом булыжникам, направилась в сторону Тусклой улицы, и ее владельцу даже в голову не могло прийти, что совсем рядом, в одном подвале, сидит на цепи очень похожий на него человек.

Цепь была достаточно длинной и позволяла человеку добраться до кровати, дыры в полу и стола, рядом с которым стоял стул.

В данный момент человек сидел за столом. Напротив расположился господин Кноп. Господин Тюльпан с угрожающим видом стоял у стены. Любому мало-мальски опытному наблюдателю было понятно, что они разыгрывают из себя хорошего стражника и плохого стражника. Вот только стражников тут не было. Зато присутствовал господин Тюльпан, который всегда готов был обеспечить своему ближнему пару-другую приятных минут.

– Ну... Чарли, – ухмыльнулся господин Кноп, – что скажешь?

– А это законно? – спросил человек, которого назвали Чарли.

Господин Кноп развел руками.

– А что есть закон? Просто слова на бумаге. Не волнуйся, Чарли, ты не сделаешь ничего плохого.

Чарли неуверенно кивнул.

– Но десять тысяч долларов... За *хорошие* поступки таких денег не платят, – возразил он. – По крайней мере, за то, чтобы произнести всего-навсего несколько слов.

– Чарли, – успокаивающе промолвил господин Кноп, – присутствующий здесь господин Тюльпан однажды заработал куда больше. И он тоже всего-навсего сказал несколько слов.

– Ага, – подтвердил господин Тюльпан. – «Гони, ять, бабки или прощайся с девчонкой». Так и сказал.

– И что, это был *хороший* поступок? – спросил Чарли, которому, по мнению господина Кнопа, действительно не терпелось встретиться со Смертью.

– Ну, в той ситуации... Да, хороший, – ответил господин Кноп.

– Да, но чтоб платили такие деньги... – продолжал сомневаться Чарли, явно страдающий манией самоубийства.

Глазами он постоянно стрелял в сторону громадной фигуры господина Тюльпана, который в одной руке держал бумажный пакет, а в другой – ложку. Ложку он использовал для того, чтобы переправлять мелкий белый порошок из пакета в нос, рот и один раз – Чарли готов был поклясться! – в ухо.

– Ну, ты человек особый, Чарли, – сказал господин Кноп. – Кроме того, потом тебе придется скрыться. На достаточно долгое время.

– Ага, – кивнул господин Тюльпан, выдохнув облако порошка.

По комнате разнесся резкий запах нафталина.

– Хорошо, но зачем понадобилось меня похищать? Я спокойно запирал дверь на ночь, и вдруг... бац! А *еще* вы посадили меня на цепь.

Господин Кноп решил сменить тактику. Чарли слишком много спорил для человека, находящегося в одной комнате с господином Тюльпаном, и особенно с господином Тюльпаном, который уже съел почти половину пакета нафталиновых шариков.

– Дружище, ну что толку ворошить прошлое? – широко улыбнулся господин Кноп. – Это ведь бизнес. Нам и нужно-то всего пару дней твоего времени! А за это ты получишь целое состояние и, что особенно важно, Чарли, *долгую жизнь*, чтобы его истратить.

Как выяснилось, Чарли вдобавок страдал крайне запущенной формой тупости.

– А откуда вы знаете, что я никому ничего не расскажу? – с подозрением осведомился он.

Господин Кноп вздохнул.

– Мы тебе верим, Чарли.

Этот человек владел маленькой одежной лавкой в Псевдополисе. Мелкие лавочники просто обязаны быть хитрыми. Обсчитывая покупателя, они всякий раз демонстрируют исключительную ловкость. «Вот тебе и физиогномика...» – мрачно подумал господин Кноп. Этот человек был вылитый патриций, просто как две капли воды, вот только лорд Витинари давно бы уже понял, что за скверный сюрприз приготовило для него будущее, тогда как Чарли до сих пор лелеял надежду, что ему-таки удастся остаться в живых и даже перехитрить самого господина Кнопа. Он действительно пытался хитрить! Сидел всего в нескольких футах от господина Тюльпана – человека, который нюхал измельченное средство от моли, – и пытался юлить. Такой тип не мог не вызывать восхищения.

– Но в пятницу мне нужно быть дома, – строго сказал Чарли. – Мы ведь до пятницы уложимся?

Сарай, который сняли гномы, за всю свою неровную деловую жизнь успел побывать и кузницей, и прачечной, и дюжиной других предприятий. Предыдущий арендатор устроил тут фабрику по изготовлению коней-качалок, искренне считая эти игрушки Великим Прорывом и не понимая, что на самом деле находится на грани Громадного Провала. Ряды недоделанных коней, которых господин Сыр так и не смог продать, дабы возместить задолженность по арендной плате, до сих пор занимали одну из стен, поднимаясь к самой оловянной крыше. На полке, висящей неподалеку, стояли ржавеющие жестянки с красками. Из банок торчали окаменевшие кисти.

Отпечатный станок, вокруг которого суетились несколько гномов, оккупировал центр помещения. Вильяму и раньше доводилось видеть такие станки. Похожими пользовались граверы. Но этот станок обладал неким *органическим* свойством. Изменению станка гномы посвящали ничуть не меньше времени, чем его использованию. Постоянно доставлялись какие-то дополнительные валики, бесконечные ремни... Отпечатный станок рос буквально на глазах.

Хорошагора сосредоточенно склонился над одним из наклонных ящиков, поделенных на множество мелких отделений, и его пальцы резво порхали над маленькими, заполненными свинцовыми буквами отделениями.

– А почему для буквы «Е» отделение больше?

– Потому что она чаще используется.

– И поэтому оно расположено в центре ящика?

– Да. А также «П», потом «Т», потом «А»...

– По-моему, более привычным было бы увидеть в самом центре именно «А».

– Ну а мы положили «П».

– И у вас «Н» больше, чем «У», а «У» – гласная.

– Люди чаще используют «Н», чем тебе кажется.

В противоположном конце комнаты коротенькие пальцы Кеслонга танцевали над другим лотком с буквами.

– Знаешь, если приглядеться, можно понять, над чем он... – начал Вильям.

Хорошагора поднял голову и, прищурившись, посмотрел на Кеслонга.

– «...\$\$\$работай... В... Свободное...» – прочел он. – Похоже, господин Достабль опять приходил.

Вильям снова уставился на ящик с буквами. *Потенциально* перо тоже содержит все, что ты собираешься написать. Но содержит чисто теоретически, то есть *безопасно*. Перо – безвредная, обычная штука, в то время как эти тускло-серые кубики выглядели угрожающе. И он понимал людей, у которых они вызывали беспокойство. Эти кубики, казалось, говорили: «Соедини нас вместе, и мы станем всем, что ты захочешь. И тем, чего не захочешь, – тоже. Мы можем написать все, что угодно. Смотри: “б”, “е”, “д”, “а”. Получилось “беда”...»

Использовать подвижные буквы мог всякий, закон этого не запрещал, но граверы предпочитали работать по-своему: «Этот мир функционирует так, как нужно нам, большое спасибо». Поговаривали, что лорд Витинари тоже недолюбливает подвижные буквы, ведь чем больше слов, тем больше люди нервничают. Ну а волшебники и священнослужители выступали против, потому что, с их точки зрения, слова слишком важная штука, чтобы ими просто так разбрасываться.

Гравюра есть гравюра, это вещь цельная и уникальная. Но если ты берешь свинцовые буквы, которыми было набрано, допустим, слово божье, и используешь их для отпечатывания кулинарной книги, что происходит со священной мудростью? Что за пирог у тебя выйдет? А если для книг по навигации используется тот же шрифт, которым отпечатали книги заклинаний? О, твое путешествие может закончиться *где угодно*.

Именно в этот момент (история любит, чтобы все было аккуратненько) Вильям услышал, как к дому подъехала карета. И буквально через несколько секунд в сарай вошел лорд Витинари. Он остановился, тяжело опираясь на трость, и с умеренным интересом оглядел помещение.

– Надо же... Лорд де Словв, – немного удивленно произнес он. – Я и подумать не мог, что ты связан с данным предприятием...

Вильям, покраснев, поспешил навстречу верховному правителю города.

– *Господин* де Словв, ваше сиятельство.

– О да, конечно. Несомненно. – Взгляд лорда Витинари скользнул по заляпанной краской комнате, остановился на груди радостно скалящихся коней, потом перешел на кропотливо трудившихся гномов. – Да, конечно. И кто здесь главный? Ты?

– Здесь нет главных, ваше сиятельство, – откликнулся Вильям. – Но разговорами, как мне кажется, занимается господин Хорошагора.

– А в чем именно заключается цель твоего присутствия?

– Э... – Вильям замялся, хотя знал, что в разговоре с патрицием это не самый умный поступок. – Честно говоря, ваше сиятельство, в моей конторе безумно холодно, а здесь тепло и... очень увлекательно. Вообще-то я вовсе не...

Лорд Витинари вскинул руку, перебивая.

– Будь добр, попроси господина Хорошагору подойти ко мне.

Подводя Гуниллу к высокой фигуре патриция, Вильям торопливо шептал гному на ухо советы, как вести себя в сложившейся ситуации.

– Ага, вот и здорово, – сказал патриций. – Если позволишь, я бы хотел задать тебе пару вопросов.

Хорошагора кивнул.

– Во-первых, не занимает ли господин Себя-Режу-Без-Ножа Достабль какую-либо руководящую должность на данном предприятии?

– Что?! – изумился Вильям.

Этого вопроса он точно не ожидал.

– Ну, такой пройдошливый типчик, сосисками торгует...

– Он? Нет, что вы. Тут участвуют только гномы.

– *Понятно*. Во-вторых, под этим зданием никакая трещина во времени-пространстве не проходит?

– Что?! – изумился на сей раз Гунилла.

Патриций вздохнул.

– Я правлю городом очень долго. А любой правитель, который находится у власти такой срок, с грустной неизбежностью осознает: если кто-либо, пусть даже из самых лучших побуждений, основывает новое предприятие, этот «кто-то» всегда с каким-то сверхъестественным предвидением размещает свое дело в месте, которое способно нанести максимальный ущерб структуре реальности. Несколько лет назад случилось фиаско с голливудскими движущимися картинками. А это дело с Музыкой, В Которой Слышен Глас Рока? С ним мы так и не смогли до конца разобраться. Да и волшебники проникают в Подземельные Измерения настолько часто, что впору устанавливать вращающуюся дверь. Также, наверное, не стоит напоминать о том, что случилось, когда покойный господин Хонг решил открыть свои «Три Веселых Сколько-Съешь Рыбы» на Дагонской улице во время лунного затмения. А? Поэтому, господа, было бы очень приятно узнать, что в этом городе нашелся некто, занявшийся простым делом, которое *не вызовет* появления на улицах человекоядных монстров со щупальцами и всяких ужасных привидений.

– Что? – переспросил Хорошагора.

– Мы не заметили тут никаких трещин, – сказал Вильям.

– Но, может, именно на этом месте некогда проводились ужасные, связанные с таинственным культом обряды, суть которых пропитала все вокруг? А теперь эта суть только и ждет удобного момента, чтобы восстать, и все снова закончится пожиранием людей?

– Что? – в который раз повторил Гунилла и беспомощно посмотрел на Вильяма.

– Здесь раньше делали коней-качалок, – выдавил тот.

– Правда? Всегда считал, что в конях-качалках есть нечто зловещее, – сказал лорд Витинари.

Он выглядел немного разочарованным, но потом быстро повеселел и указал на огромный камень, на котором собирали шрифт.

– Ага! – воскликнул он. – Этот камень, ненарочно выкопанный в поросших кустарником руинах древнего мегалитического круга, окроплен кровью тысяч невинных душ, которые наверняка ждут своего часа, дабы восстать из мертвых и отомстить! Уж можете мне поверить.

– Он был специально вытесан для меня моим братом, – сообщил Гунилла. – И я не потерплю подобных разговоров, господин. Кто ты такой, чтобы являться сюда и обвинять нас в подобном непотребстве?

Вильям выскочил вперед со скоростью, равной безопасной для здоровья скорости ужаса.

– Может, ваше сиятельство, я отведу господина Хорошагору в сторонку и объясню ему кое-что? – быстро предложил он.

Губы патриция, растянутые в широкой и немного недоуменной улыбке, даже не дрогнули.

– Какая хорошая мысль, – кивнул он, и Вильям мгновенно потащил упирающегося гнома в угол. – Уверен, потом он будет тебе весьма благодарен.

Опершись на трость, лорд Витинари с благожелательным интересом принялся рассматривать отпечатный станок, а тем временем за его спиной Вильям де Словв объяснял гному некоторые реалии политической жизни Анк-Морпорка, а именно те из них, что помогали очень быстро распрощаться с собственной жизнью. Руки Вильяма многозначительно жестикулировали.

Буквально через полминуты Хорошагора вернулся и встал перед патрицием, заткнув большие пальцы рук за ремень.

– Я говорю так, как считаю нужным. Да, – заявил он. – Всегда говорил, всегда буду...

– Кстати, давно терзался загадкой: что именно вы называете лопатой? – вдруг спросил лорд Витинари.

– Что?! Никогда не пользовался лопатой! – рявкнул рассерженный гном. – Крестьяне пользуются лопатами. А у нас, у гномов, лопатки!

– Да, так я и думал, – кивнул лорд Витинари.

– Молодой Вильям говорит, мол, ты безжалостный деспот, который терпеть не может отпечатное дело. А я говорю, что ты справедливый человек, который не станет мешать гному честно зарабатывать на жизнь. Ну и кто прав, он или я?

Улыбка никуда не девалась с лица патриция.

– Господин де Словв, можно тебя на минуту?

Витинари по-товарищески обнял Вильяма за плечи и ласково отвел в сторону от уставившихся на них гномов.

– Я лишь сказал, что кое-кто зовет вас... – попытался оправдаться Вильям.

– Что ж, господин де Словв, – перебил патриций, небрежно отмахнувшись от его объяснений. – Вопреки всему моему опыту, который говорит обратное, тебе почти удалось убедить меня в том, что здесь мы имеем дело с невинной попыткой ведения бизнеса, которая будет осуществлена без заполнения моих улиц всякой оккультной дрянью. Очень трудно представить, чтобы подобное *не случилось* в Анк-Морпорке, но я согласен признать: такое все ж возможно. Кстати, мне кажется, что касающийся словопечатен вопрос может быть пересмотрен. Ничего не обещаю, к данной проблеме следует подходить с большой осторожностью, однако такая вероятность присутствует.

– Правда?

– Да. Поэтому можешь передать своим друзьям: пусть продолжают то, что начали.

– Э-э, но они не совсем мои... – начал было Вильям.

– Но *конечно*, следует добавить: в случае возникновения каких-либо щупальцеобразных проблем ты лично ответишь мне за это.

– Я? Но я...

– А, ты считаешь, я поступаю несправедливо? Как самый настоящий безжалостный деспот?

– Ну, я...

– Кроме всего прочего, гномы в нашем городе являются очень трудолюбивой и ценной этнической группой, – продолжил патриций. – И в данный момент я хочу избежать возникновения каких-либо неприятностей в наших нижних областях. Особенно учитывая неурегулированные проблемы в Убервальде и вопрос с За-Луном.

– С За-Луном? Где это?

– Вот именно. Кстати, как поживает лорд де Словв? Знаешь, тебе следовало бы почаще писать ему.

Вильям ничего не ответил.

– Когда семьи распадаются, это очень печально. Всегда так считал и считаю, – сказал лорд Витинари. – Слишком много в этом мире ничем не оправданной, глупой взаимной неприязни. – Он дружески похлопал Вильяма по плечу. – Уверен, ты сделаешь все, чтобы

это отпечатное предприятие оставалось в дозволенных границах вероисповедания, благоразумия и познаваемости. Я ясно выражаюсь?

– Но у меня нет никакого контроля над...

– Гм?

– Да, лорд Витинари. Конечно, – поспешно согласился Вильям.

– Хорошо. Отлично! – Патриций выпрямился, повернулся и улыбнулся гномам. – Очень хорошо! – кивнул он. – Подумать только. Много-много маленьких букв собрались вместе. Возможно, время этой идеи наступило. Может, и у меня найдется для вас работа.

Вильям, стоящий за спиной у патриция, принялся отчаянно размахивать руками, привлекая внимание Гуниллы.

– На правительственные заказы у нас специальные расценки, – пробормотал гном.

– О, мне и в голову не приходило платить меньше других заказчиков... – запротестовал патриций.

– А я и не собираюсь брать с тебя меньше...

– Что ж, ваше сиятельство, заезжайте еще. Все будут очень рады увидеть вас снова, – жизнерадостно забормотал Вильям, поворачивая патриция к двери. – И с нетерпением будем ждать вашего заказа.

– Ты абсолютно уверен, что господин Достабль не участвует в этом предприятии?

– Кажется, для него что-то отпечатывают, но это и все его участие, – откликнулся Вильям.

– Поразительно, просто поразительно, – покачал головой лорд Витинари, садясь в карету. – Надеюсь, он не приболел?

С крыши расположенного напротив дома за отъездом патриция наблюдали два человека.

– Ять! – очень-очень тихо выразился один из них.

– У тебя есть на это своя точка зрения, господин Тюльпан? – уточнил другой.

– И *этот* человек правит городом?

– Да.

– А где, ять, его телохранители?

– Допустим, мы захотели бы его сейчас убрать. И предположим, у него четверо телохранителей. Думаешь, они быгодились ему?

– Как рыбе, ять, зонтик, господин Кноп.

– Вот ты сам и ответил.

– Но я мог бы достать его прямо отсюда! Простым, ять, кирпичом!

– Насколько мне известно, господин Тюльпан, многие организации имеют Виды на этого человека. И как мне рассказывали, эта помойка очень неплохо живет, даже процветает. А когда дела идут хорошо, человека, который сидит на самом вершине, поддерживает много друзей. На всех кирпичей не хватит.

Господин Тюльпан проводил взглядом удаляющуюся карету.

– Мне тоже кое-что рассказывали! Он же, ять, почти ничего и не делает! – недовольно пробормотал он.

– Ага, – спокойно ответил господин Кноп. – Это одно из самых сложных умений. Особенно в политике.

Господин Тюльпан и господин Кноп вносили в партнерство каждый свой вклад, и в данный момент господин Кноп вкладывал туда свою политическую сообразительность. Господин Тюльпан с уважением относился к партнеру, пусть даже понимал далеко не все. Поэтому он удовлетворился тем, что просто пробормотал:

– Было бы куда проще убить его к, ять, матери.

– О да, это бы значительно упростило наш, ять, мир, – усмехнулся господин Кноп. – Послушай, завязывал бы ты с хрюком. Эта дрянь – для *троллей*. Еще хуже «грязи». Они разбавляют его толченым стеклом.

– Все дело в химии, – угрюмо произнес господин Тюльпан.

Господин Кноп вздохнул.

– Еще раз объяснить? Слушай меня *внимательно*. Наркотики – это химикаты, но, *вслушайся* в мои слова, химикаты – это не обязательно наркотики. Помнишь, что вышло с карбонатом кальция? За который ты заплатил какому-то паскуднику пять долларов?

– О да, меня тогда круто колбасило, – пробормотал господин Тюльпан.

– От карбоната кальция? – спросил господин Кноп. – Даже для тебя... Ну, то есть... Послушай, ты всосал своим носом столько мела, что твою голову теперь можно рубить и писать твоей шеей на классной доске!

«Да, для господина Тюльпана это всегда было большой проблемой», – размышлял господин Кноп, когда они спускались с крыши на мостовую. Дело было даже не в том, что у господина Тюльпана имелось пристрастие к наркотикам, а в том, что он страстно *хотел*, чтобы оно у него имелось. Тогда как на самом деле у него было пристрастие к глупости, которое овладевало всем его естеством, стоило ему увидеть, как что-то продается в маленьких пакетиках. Это приводило к тому, что господин Тюльпан искал блаженства в муке, соли, пекарном порошке и бутербродах с маринованной говядиной. Там, где улицы кишмя кишели людьми, старавшимися незаметно продать блям, скользь, сброс, «грусть», «дрянь», тридурь, сток, хрюк, хрюк винтом и штыб, господин Тюльпан безошибочно находил типа, который втюривал ему порошок карри по цене, как потом выяснялось, шестьсот долларов за фунт. Это было, ять, *неловко*.

В последнее время господин Тюльпан начал экспериментировать с ассортиментом рекреационных химикатов, щедро представленных на анк-морпоркском рынке и предназначенных для увеселения троллей (в случае с троллями господин Тюльпан имел сравнительно хороший шанс хоть кого-нибудь обдурить). Теоретически хрюк и «грязь» не должны были оказывать воздействие на человеческий мозг, за исключением, быть может, его полного растворения. Но господин Тюльпан упорно стоял на своем. Однажды он попробовал вернуться в реальность, и это ему очень не понравилось.

Господин Кноп снова вздохнул.

– Пошли, – сказал он. – Пора нашего глиста кормить.

В Анк-Морпорке практически невозможно следить за кем-нибудь так, чтобы никто не следил за тобой. И парочке партнеров, как они ни старались, не удалось остаться незамеченными.

А наблюдал за ними маленький песик пестрого окраса с преобладанием ржаво-серого оттенка. Периодически он принимался отчаянно чесаться задней лапой, и тогда раздавался звук, словно кто-то пытался побрить металлическую проволочную щетку.

Шея песика была обмотана веревкой, к которой была привязана другая веревка, вернее, несколько неумело связанных друг с другом обрывков веревки.

Конец этой импровизированной веревки находился в руке у некоего человека. По крайней мере, такой вывод можно было сделать, поскольку веревка исчезала в том же кармане поношенного грязного пальто, что и рукав того же пальто, в котором предположительно находилась рука, предположительно заканчивающаяся ладонью.

Пальто было очень странным. Оно тянулось вверх от мостовой до самых полей шляпы, которая своей формой напоминала оплывший холм. В месте соединения пальто со шляпой виднелся легкий намек на седые волосы. Рука порылась в подозрительных глубинах кармана и достала холодную сосиску.

– Двое мужчин следят за патрицием, – сказал песик. – Очень интересно.

– Разрази их гром, – сказал человек и разломал сосиску на две демократичные половинки.

Вильям написал короткую заметку о Посещении патрицием «Ведро» и принялся задумчиво листать последние страницы блокнота.

Просто удивительно. Всего за один день ему удалось найти не меньше дюжины тем для очередного новостного письма. И чего только тебе не понараскажут люди, главное – спросить.

К примеру, выяснилось, что кто-то упер один из золотых клыков у статуи Бога-Крокодила Оффлера. За эту новость Вильяму пришлось пообещать сержанту Колону выпивку, хотя отчасти он уже рассчитался за нее, закончив сообщение фразой: «Стража уже Следует за Правонарушителем по Пятам и Уверена, что Тот будет Задержан в Ближайшее же Время».

Сам Вильям не был так уверен в столь благополучном исходе, но сержант Колон произнес эту фразу с очень искренним видом.

Природа правды давно беспокоила Вильяма. Его с детства приучали всегда говорить правду (или, выражаясь иначе, никогда не кривить душой), а от некоторых привычек очень трудно избавиться, особенно если их хорошенько в тебя вколотили. Лорд де Словв руководствовался в жизни пословицей, гласившей: как согнешь ветку, такое дерево и вырастет. Особой гибкостью Вильям не отличался, но и лорд де Словв не был жестоким человеком. Для этого он предпочитал нанимать специальных слуг. Насколько припоминал Вильям, лорд де Словв никогда не испытывал особого энтузиазма по поводу занятий, связанных с прикосновением к людям.

Так или иначе, Вильям не обольщался насчет себя. С выдумкой у него было очень плохо. Всякая придуманная им ложь немедленно выплывала наружу и непременно приводила к беде. Даже такая незначительная, как «К концу недели у меня точно будут деньги». Это называлось «сочинять истории», и данный грех, по мнению де Словвов, был даже страшнее лжи. Ведь он был призван сделать ложь *интересной*.

Поэтому Вильям де Словв всегда говорил правду – в порядке космической самообороны. Для него самая суровая правда была менее суровой, чем самая невинная ложь.

В «Залатанном Барабане» случилась достойная внимания драка. Особенно удачным вышло окончание заметки: «И поднял Брезок-Варвар стол трактирный, и нанес удар мощнейший Воруге Молтину, который в свою очередь хватъ канделябры да по сусалам ему, по сусалам, а сам приговаривает: “Получай, П*ск*да, что заслуживаешь!”; тут, конечно, драка общая затеялась, а пострадало в ней всего количеством 5 или 6 человек».

Потом Вильям отнес все записи в «Ведро».

Гунилла с интересом ознакомился с ними, ну а на то, чтобы набрать все это, у гномов ушло совсем немного времени.

Это было очень странно, но...

...когда текст набирали шрифтом, этими ровными и аккуратными буквами...

...он выглядел более реальным.

Боддони, который, судя по всему, был заместителем Гуниллы в словопечатне, выглянул из-за плеча Хорошагоры и, прищурившись, оглядел ровные колонки шрифта.

– Гм, – изрек он.

– Что такое? – встревожился Вильям.

– Выглядит немного... серо, – ответил гном. – Шрифт слишком однообразен. На книжку похоже.

– А разве это плохо? – удивился Вильям, искренне считавший, что все похожее на книгу может быть только хорошим.

– А что, если немного разредить? – спросил Гунилла.

Вильям смотрел на отпечатанную страницу, и в его сознании постепенно формировалась идея. Казалось, она развивалась под воздействием самой страницы.

– А что, если, – сказал он, – перед каждым разделом мы вставим своего рода заглавие? Он взял клочок бумаги и написал: «5/6 Пострадали в Пьяной Драке».

Боддони с серьезным видом прочел его каракули.

– Да, – одобрил он наконец. – Выглядит вполне... пристойно.

Он передал клочок бумаги обратно через стол.

– И как ты называешь этот новостной листок? – спросил он.

– Никак, – пожал плечами Вильям.

– Нужно придумать какое-нибудь название, – хмыкнул Боддони. – К примеру, что ты пишешь сверху?

– Обычно что-нибудь типа: «Глубокоуважаемому господину Такому-то». Ну и так далее, – сказал Вильям.

– Не пойдет, – покачал головой Боддони. – Нужно написать что-нибудь более массовое. Более энергичное.

– Может, «Анк-Морпоркские Сообщения»? – предложил Вильям. – Извините, но я не мастер придумывать названия.

Гунилла достал из кармана фартука маленький лоток и принялся набирать буквы из стоящего на столе ящика. Соединив их вместе, он мазнул надпись чернилами и отпечатал на листе бумаги.

Получилось... «Анк-Морпоркская пРавда».

– Немного напутал, – пробормотал Гунилла. – Что-то я сегодня рассеянный...

Он было потянулся к шрифту, но Вильям его остановил.

– Не знаю... – неуверенно произнес Вильям. – Оставь все как есть. Только «п» должна быть большой, а «р» – маленькой.

– И все? – удивился Гунилла. – Вот, получай. Ну, юноша, сколько экземпляров тебе нужно?

– Э... Двадцать? Тридцать?

– А может, пару сотен? – Гунилла кивнул на гномов, энергично выполнявших свою работу. – Если меньше, то отпечатную машину и трогать не стоит.

– Да ты что! Я даже представить себе не могу, что в городе найдется столько людей, готовых заплатить за *это* по пять долларов!

– Неужели? А ты спрашивай по полдоллара. Пятьдесят долларов получим мы, и ты – столько же.

– Ну и ну! Что, в самом деле? – Вильям недоверчиво уставился на сияющего гнома. – Но их ведь нужно еще продать. Это тебе не пирожки в лавке. Да, это никак не...

Он принялся. У него вдруг начали слезиться глаза.

– О боги, – пробормотал он. – У нас вот-вот будет еще один посетитель. Я узнаю этот запах.

– Какой запах? – не понял гном.

Дверь со скрипом открылась.

Запах Старикашки Рона мог послужить отдельной темой для беседы. Он был настолько сильным, что обрел собственную индивидуальность и заслужил написания с большой буквы. После мощного потрясения людские органы обоняния сдавались и переставали работать, словно бы лишались способности охватить этот Запах в полном объеме, как устрица не способна познать бескрайность океана. А через несколько минут у людей начинала плавиться сера в ушах и выгорали волосы.

Этот Запах развился до такой степени, что вел в некотором роде независимую жизнь: посещал театр или читал томики поэзии. Рон по всем статьям проигрывал собственному Запаху. Его Запах был выше классом.

Руки Старикашки Рона скрывались глубоко в карманах, но из одного кармана торчала веревка, вернее, несколько неумело связанных друг с другом обрывков веревки, которые заканчивались на шее маленького песика непонятно-серой расцветки. Возможно, этот песик был терьером. Но только возможно. Двигался песик прихрамывая и немного косо, словно бы пытался как можно незаметнее просочиться в этот мир. Его походка говорила о немалом опыте; этот пес давным-давно понял: куда чаще в тебя швыряются башмаками, чем мозговыми косточками. У него была походка пса, готового в любой момент сделать лапы.

Песик поднял на Вильяма покрытые коркой глаза и сказал:

– Гав.

Вильям вдруг понял, что должен как-то вступить за человечество.

– Э-э... Приношу свои извинения за запах, – сказал он и посмотрел на песика.

– О каком запахе ты постоянно твердишь? – спросил Гунилла, на шлеме которого уже начали тускнеть заклепки.

– Он принадлежит... э... господину... э... Рону, – пояснил Вильям, по-прежнему не сводя с песика подозрительного взгляда. – Говорят, это что-то связанное с железами.

Он определенно видел эту дворнягу раньше. Этот пес всегда находился где-то рядом, бродил по улицам или сидел на перекрестке и наблюдал за течением жизни.

– И что ему нужно? – осведомился Гунилла. – Что-нибудь отпечатать?

– Вряд ли, – ответил Вильям. – Он в некотором роде нищий. Вот только из Гильдии Попрошайек его выгнали и обратно не пускают.

– А чего он молчит?

– Ну, обычно он просто стоит и ждет, пока ему что-нибудь не дадут, чтобы он ушел. Э-э... Ты слышал о таких специальных приветственных повозках? Которыми местные жители и торговцы приветствуют новых поселенцев?

– Да.

– Так вот это абсолютная противоположность данной традиции.

Старикашка Рон кивнул и протянул руку.

– Точняк, господин Прыщ. А я им говорил, меня на кривой не ого-го-го, дурни клятые, я им говорил. А не качелю я благородство, разрази их гром. Десница тысячелетия и моллюск. Вот фигня.

– Гав.

Вильям снова уставился на песика.

– Рык, – сообщил тот.

Гунилла поскреб в укромных уголках своей бороды.

– Вот что я заметил в этом городе, – произнес он. – Люди готовы покупать практически все, только вынеси это на улицу.

Он взял пачку новостных листков, еще не просохших после отпечатной машины.

– Эй, господин, ты меня понимаешь?

– Клятье.

Гунилла ткнул Вильяма локтем под ребра.

– Как ты думаешь, это значит «да» или «нет»?

– Вероятно, «да».

– Отлично. Слушай меня. Если ты продашь эти листки, скажем, по двадцать пенсов за штуку, можешь оставить себе...

– Эй, – перебил его Вильям. – Нельзя продавать их так дешево!

– Почему?

– Почему? Потому что... потому что... потому что тогда все смогут их читать, вот почему!

– Ну и хорошо, – спокойно сказал Гунилла. – Значит, все смогут заплатить по двадцать пенсов. В мире гораздо больше бедных, чем богатых, и с них куда проще получить деньги. – Он, поморщившись, посмотрел на Старикашку Рона. – Возможно, вопрос покажется тебе немного странным, но у тебя есть друзья?

– А я им говорил! *Говорил!* Разрази их гром!

– Наверное, есть, – ответил за нищего Вильям. – Он живет с группой... э... таких же горемык под одним из мостов. Ну, скорее не живет, а мыкается.

– Отлично, – кивнул Гунилла и помахал перед носом у Старикашки Рона свежим номером «Правды». – Можешь им передать: если они продадут эти листки по двадцать пенсов за штуку, то я позволю им оставить себе по целому звонкому пенни!

– Правда? А знаешь, куда ты можешь засунуть свой целый звонкий пенни? – вдруг спросил Рон.

– О, значит, ты все-таки... – начал было Гунилла.

Вильям положил руку ему на плечо.

– Извини, погоди-ка минуту. Рон, что ты сейчас сказал?

– Клятье, – изрек Старикашка Рон.

Предыдущие слова были произнесены голосом, весьма похожим на голос Рона, и доносились они примерно с того же места, где стоял нищий, но были на диво связными и разумными.

– Стало быть, одного пенса тебе мало? – осторожно уточнил Вильям.

– Это стоит никак не меньше пяти пенсов за штуку, – откликнулся Рон. Скорее всего, Рон. А может, и нет.

По какой-то причине взгляд Вильяма опять привлекла маленькая мышастая дворняга. Песик посмотрел ему прямо в глаза и осведомился:

– Гав?

Вильям поднял взгляд.

– Старикашка Рон, с тобой все в порядке?

– Уылка ива, уылка ива, – загадочно произнес Рон.

– Ну хорошо. Два пенса, – согласился Гунилла.

– Четыре, – вроде бы произнес Рон. – Впрочем, не будем жлобиться, лады? Один доллар за тридцать штук.

– Договорились, – сказал Хорошагора, плюнул на ладонь и уже хотел было скрепить контракт рукопожатием, но Вильям вовремя перехватил его руку.

– Не стоит.

– А что такое?

Вильям вздохнул.

– У тебя страшные обезображивающие болезни имеются?

– Нет!

– А хочешь, чтоб были?

– О. – Гунилла опустил руку. – Передай своим друзьям, чтобы приходили сюда, понял? – Он повернулся к Вильяму. – А они надежные парни?

– Ну... *Смотря в чем*, – пожал плечами Вильям. – К примеру, жидкости, которыми разводят краски, я бы им никогда не доверил.

Старикашка Рон и песик брели по улице. И как ни странно, вели беседу, хотя формально присутствовал только один человек.

– Видишь? Я ж *говорил*. Теперь я буду вести все переговоры.

– Клятье.

– Вот именно. Держись меня, мужик, и с тобой ничего плохого не случится. Почти ничего.

– Разрази их гром.

– В самом деле? Что ж, по-моему, неплохой план. Тяв, тяв.

Под мостом Призрения жили двенадцать человек, и жили они, можно сказать, в роскоши. Впрочем, у каждого свое понятие о роскоши. Роскошь этих людей была вполне досягаемой, поскольку состояла в возможности раз в день съесть хоть что-то, причем у этого «чего-то» тоже был весьма широкий спектр определения. Официально эти люди считались нищими, правда попрошайничать им приходилось весьма редко. Отчасти они были ворами, но забирали они себе только то, что теряли прохожие, убегающие от них со всех ног.

Со стороны могло показаться, что лидером обитающих под мостом был Генри-Гроб, который мог бы занять место чемпиона города по отхаркиванию, если бы кто-нибудь еще претендовал на этот титул. Однако в группе существовала истинная демократия лишенных права голоса. Был еще Арнольд Косой, который благодаря отсутствию ног обладал серьезным преимуществом в любой пьяной драке, как и всякий человек с крепкими зубами, расположенными примерно на высоте вражеской промежности. Был Человек-Утка, на голове у которого сидела самая настоящая утка, чье существование он постоянно отрицал. В остальном, кстати, он слыл местным эрудитом, речь его была правильной и хорошо поставленной, и он мог бы сойти за совершенно здравомыслящего человека, прям как и четвертый из жителей подмостовья... Если бы этим четвертым не являлся Старикашка Рон.

Ну а остальными восемью нищими был Все-Вместе Эндрюс.

На самом деле Все-Вместе Эндрюс был одним человеком, который вмещал в себя больше чем один разум. В состоянии покоя, когда Эндрюсу не приходилось решать никаких проблем, это было практически незаметно, за исключением разве что легкого подергивания лица, которым по очереди завладевали: Джосси, леди Гермiona, Крошка Сидни, господин Виддль, Кучерявый, Судья и Лудильщик. Был еще Душила, его видели лишь однажды, но этого хватило по самое «не хочу», а поэтому Душилу похоронили поглубже и больше наружу никогда не выпускали. Что характерно, на имя Эндрюс никто в теле не откликнулся. Как предположил Человек-Утка, единственный из подмостовья, обладающий способностью мыслить более или менее прямо, Эндрюс скорее всего был невинной, гостеприимной личностью, которая обладала исключительной психической восприимчивостью и которую задавили подчинившие себе тело души-переселенцы.

Только среди добрых обитателей подмостовья такая консенсусная личность, как Эндрюс, могла найти пригодную для существования нишу. Его, вернее, их сразу приняли в братство дымного костра. И этот человек, который и пяти минут не мог пробыть самим собой, пришелся здесь вполне к месту.

Впрочем, было еще кое-что, объединяющее живущих под мостом (хотя, разумеется, ничто не могло объединить Все-Вместе Эндрюса). Это готовность поверить в то, что собака может говорить. С ними много что разговаривало – допустим, те же стены. Поэтому поверить в говорящую собаку не представляло особого труда. А еще нищие уважали Господа за то, что он был самым сообразительным из них и никогда не пил жидкость, если та разъедала банку, в которую была налита.

– Итак, попробуем еще раз, – предложил Господ. – Вы продаете тридцать штук и получаете доллар. Целый доллар. Понятно?

– Клятье.

– Кряк.

– Хаааргххх... тьфу!

– А сколько это будет в старых башмаках?

Гаспод вздохнул.

– Нет, Арнольд. Ты получаешь деньги и на них покупаешь себе сколько угодно ста...

Все-Вместе Эндрюс вдруг заворчал, и остальные члены нищей братии мгновенно притихли. После того как Все-Вместе Эндрюс какое-то время молчал, абсолютно невозможно было предсказать, кем он станет.

К примеру, всегда существовала возможность того, что он станет Душилой.

– А можно вопрос? – спросил Все-Вместе Эндрюс хрипловатым сопрано.

Нищие сразу успокоились. Судя по голосу, он стал леди Гермионой, а с ней еще ни разу не возникало никаких проблем.

– Да... ваша светлость? – сказал Гаспод.

– Это ведь не будет считаться... *работой*?

Упоминание о работе ввергло нищих в состояние двигательного возбуждения и растерянной паники.

– Хааарук... тьфу!

– Разрази их гром!

– Кряк!

– Нет, нет и нет, – торопливо произнес Гаспод. – Это едва ли работа. Вы просто раздаете листочки и собираете деньги. По-моему, никакая это не работа.

– Я не могу работать! – завопил Генри-Гроб. – Я производительно и социально неполноценен!

– Мы *не работаем*, – сказал Арнольд Косой. – Мы – господа, ведущие праздничный образ жизни.

– Кхе-кхе, – деликатно откашлялась леди Гермиона.

– Господа и *дамы*, – галантно исправился Арнольд.

– Но зима обещает быть суровой, – сказал Человек-Утка. – Лишние деньги нам бы не помешали.

– Для чего? – удивился Арнольд.

– Арнольд, на доллар в день мы будем жить как короли.

– Хочешь сказать, нам отрубят головы?

– Нет, я...

– Кто-нибудь взберется по сортирному отводу с раскаленной докрасна кочергой и...

– Нет! Я имел в виду...

– Нас утопят в бочке с вином?

– Нет, Арнольд, я сказал «жить», а не «умирать» как короли.

– Кроме того, ты из любой бочки с вином *выпьешься* наружу... – пробормотал Гаспод. – Ну, хозяевá, что скажете? О да, конечно, и хозяйка. Я могу... *Рон* может передать тому парню, что мы согласны?

– Несомненно.

– Лады.

– Гавварк... птю!

– Разрази его гром!

Все посмотрели на Все-Вместе Эндрюса. Его губы задвигались, щеки задрожали. А потом он поднял вверх пять демократических пальцев.

– Большинство – за, – подытожил Гаспод.

Господин Кноп закурил сигару. Курение было единственным его пороком. Ну, или единственным пороком, который он считал таковым. Все остальные были не более чем профессиональными навыками.

Порочность же господина Тюльпана была беспредельной, однако он признавался только в пристрастии к дешевому лосьону после бритья – нужно же человеку что-то *пить*. Наркотики он пороком не считал хотя бы потому, что настоящие наркотики попались ему лишь однажды, когда они обнесли одного лошадиного доктора. Тогда господин Тюльпан заглотил пару больших пилюль, от которых все вены в его теле вздулись как лиловые шланги.

И головорезами они не были. По крайней мере, они не считали себя головорезами. Не были они и ворами. По крайней мере, они не считали себя ворами. И наемными убийцами они себя тоже не считали. Наемные убийцы любили попонтоваться и строго следовали установленным правилам. А Кноп и Тюльпан («Новая Контора», как господин Кноп любил себя называть) никаких правил не соблюдали.

В общем и целом они считали себя *посредниками*. Людьми, которые заставляли вещи случаться. Людьми, хорошо справляющимися со своей работой.

Необходимо добавить: под фразой «мы думаем» всегда подразумевалось, что так думает господин Кноп. Господин Тюльпан тоже пользовался головой – как правило, с расстояния восьми дюймов, – но вот мозгами он пользовался очень редко. В основном он доверял всякие многоступенчатые *осозмышления* господину Кнопу.

Зато господин Кноп, в свою очередь, не был хорош в продолжительном, бессмысленном насилии, а потому искренне восхищался практически неиссякаемым запасом такого насилия у господина Тюльпана. Эти совершенно разные качества, которыми обладали партнеры, в сумме давали нечто большее, чем могло получиться при простом сложении. И только встретившись, господин Кноп и господин Тюльпан сразу почувствовали это. К примеру, господин Кноп с первого взгляда понял, что господин Тюльпан вовсе не псих, как это казалось всему окружающему миру. Некоторые негативные качества, достигая совершенства, перерождаются в самой своей природе. Так и господин Тюльпан превратил собственную ярость в подлинное искусство.

Это была не ярость *по отношению к*. Это была чистая платоническая ярость, поднимающаяся из змеиных глубин души, неиссякаемый фонтан раскаленного докрасна негодования. Всю свою жизнь господин Тюльпан балансировал на тонкой грани, к которой большинство людей подходит лишь в самый последний момент, перед тем как напрочь слететь с катушек и начать колотить кого-нибудь по башке гаечным ключом. Но для господина Тюльпана ярость была основным и естественным состоянием. «Что ж такое должно было приключиться с человеком, чтобы в нем пробудилась подобная ярость?» – гадал иногда господин Кноп. Однако прошлое господина Тюльпана было иной страной с очень, очень хорошо охраняемыми границами. Иногда господин Кноп слышал по ночам, как господин Тюльпан кричит.

Нанять господина Кнопа и господина Тюльпана было не так-то просто. Для этого следовало обладать хорошими связями. Или, если выразиться точнее, *плохими* связями, которые появлялись у вас, только если вы посетили трактир определенного сорта и остались в живых, что являлось своего рода первым испытанием. Однако очень быстро выяснялось, что ваши новые «друзья» не знают ни господина Тюльпана, ни господина Кнопа. Зато знают некоего человека. И уже этот человек высказывал очень туманное предположение, что в принципе да, быть может, ему известно, как связаться с кнопоподобными и тюльпанообразными людьми. Сообщив это, он сразу замолкал вследствие внезапного отказа памяти, связанного с острой нехваткой наличных. Однако, немного подлечившись, он намекал вам, что существует еще один адрес, отправившись по которому вы встречались в темном углу с очередным человеком, который весьма категорически заявлял вам, что никогда не слышал о личностях по имени Кноп *или* Тюльпан. Лишь в самом конце беседы он лениво интересовался, где вы будете, скажем, в девять часов вечера.

И только после этого вы встречались с господином Тюльпаном и господином Кнопом. Они уже знали, что у вас есть деньги, знали, что вы что-то задумали, а в случае, если вы были непролазно тупы, знали и ваш домашний адрес.

Вот почему партнеры из Новой Конторы так удивились, когда последний клиент заявился напрямик к ним. Знак хуже не придумаешь. К тому же их новый клиент был мертв. Впрочем, трупы – это нормально. Ненормально, когда они разговаривают.

Господин Кривс, законник-зомби, откашлялся, выпустив изо рта облачко пыли.

– Вынужден повторить, – промолвил он, – я в этом деле лишь посредник...

– Совсем как мы, – встрял господин Тюльпан.

Господин Кривс всем своим видом показал, что никогда, даже через тысячу лет, он не станет таким, как господин Тюльпан, но *вслух* продолжил:

– Вот именно. Мои клиенты пожелали, чтобы я нашел... специалистов. Я нашел вас. Передал вам некие запечатанные в конверт инструкции. Вы взяли заказ. После чего, насколько понимаю, предприняли... определенные меры. Я не знаю, какие именно. И предпочитаю оставаться в том же неведении касательно принятых вами мер. Встретившись на улице, я на вас, так сказать, даже пальцем не покажу. Вы меня понимаете?

– Еще б ты, ять, палец нам показал... – прорычал господин Тюльпан, немного нервничающий в присутствии мертвого законника.

– Я подразумевал, что видимся мы только в случае крайней необходимости и говорим друг другу как можно меньше.

– Ненавижу, ять, зомби, – сказал господин Тюльпан.

Еще утром он принял какой-то найденный под раковиной порошок, решив, что раз порошок чистит канализационные трубы, значит, точно должен быть химическим. Теперь толстая кишка господина Тюльпана посылала своему хозяину какие-то странные сигналы.

– Уверен, наши чувства взаимны, – откликнулся господин Кривс.

– Я, кажется, понял намек, – кивнул господин Кноп. – Ты имел в виду, что, если дельце не выгорит, ты нас в жизни не видел и...

– Кхе-кхе, – многозначительно кашлянул господин Кривс.

– То есть в смерти, – поправился господин Кноп. – Лады. А как насчет денежек?

– Как вы и просили, тридцать тысяч долларов на особые расходы будут приплюсованы к оговоренной сумме.

– Драгоценными камнями, не наличными.

– Конечно. Мои клиенты и не собирались выписывать вам чек. Деньги будут доставлены сегодня вечером. Также... Думаю, мне стоит обратить ваше внимание на следующее.

Его сухие пальцы зашуршали сухими бумажками в иссохшем портфеле, а потом законник передал господину Кнопу папку.

Господин Кноп изучил бумаги, быстро перелистывая страницы.

– Пусть твоя ручная обезьяна тоже глянет, – предложил господин Кривс.

Господину Кнопу удалось перехватить руку господина Тюльпана, прежде чем она опустилась на голову зомби. Господин Кривс даже глазом не моргнул.

– Господин Тюльпан, он слишком много о нас знает!

– И что, ять, с того? Это не мешает мне открутить его пришитую башку!

– Ошибаешься, – возразил господин Кривс. – И твой коллега объяснит почему.

– Потому что наш друг-законник сделал много-много копий. Не так ли, господин Кривс? И рассовал их по разным укромным уголкам. Чтоб не пришлось раньше времени встретиться со Смер... Чтоб... Чтоб...

– Чтоб чего не произошло, – помог ему господин Кривс. – Абсолютно верно. Господа, как выяснилось, ваша предыдущая жизнь была весьма насыщенной. Вы еще весьма молоды, но благодаря своим талантам достигли очень многого и в своей области пользуетесь солид-

ной репутацией. Повторюсь: о деле, за которое вы взялись, я не имею ни малейшего представления, но не сомневаюсь в том, что вы нас всех поразите.

– А он и о щепотанском контракте знает? – недоверчиво спросил господин Тюльпан.

– Знает, – ответил господин Кноп.

– А о том деле с проволочной сеткой, крабами и, ять, банкиром?

– Да.

– А о том пацане и щенках?

– Теперь знает, – буркнул господин Кноп. – В общем и целом он знает почти все. Очень толково. Господин Кривс, может, ты знаешь и то, где закопаны трупы?

– С парочкой из них я даже встречался, – усмехнулся господин Кривс. – Однако, насколько мне известно, в Анк-Морпорке вы пока ничего противозаконного не совершили. В противном случае мы бы сейчас не разговаривали.

– С чего это ты, ять, взял, что мы тут ничего не совершили? – оскорбленно спросил господин Тюльпан.

– По-моему, вы впервые в этом городе.

– И что? Мы, ять, здесь уже целый день!

– Вас поймали? – спросил господин Кривс.

– Нет!

– Значит, вы ничего не совершили. И могу я выразить надежду, что ваши дела здесь не будут связаны с какой-либо преступной деятельностью?

– Разумеется, – сказал господин Кноп.

– Местная Городская Стража весьма настойчива в определенных аспектах. А Гильдии ревностно охраняют свои профессиональные территории.

– Мы с большим уважением относимся к страже, – пожал плечами господин Кноп. – И к выполняемой ею работе.

– Мы, ять, просто обожаем стражников, – добавил господин Тюльпан.

– О да, мы готовы любить их днем и ночью, – продолжал господин Кноп.

– В самых разных местах и позах, – кивнул господин Тюльпан. – Потому что мы любим, ять, прекрасное.

– Я просто хотел убедиться в том, что мы понимаем друг друга, – сказал господин Кривс и захлопнул свой портфель.

Затем встал, кивнул и с чопорным видом покинул комнату.

– Что за... – воскликнул господин Тюльпан, но господин Кноп быстро поднес палец к губам.

Бесшумно подкравшись к двери, он выглянул в коридор. Законник ушел.

– Он знает, зачем мы сюда явились, – с жаром прошептал господин Тюльпан. – И какого ять он притворялся?

– Он – законник, – объяснил господин Кноп. – Кстати, славное тут местечко, – добавил он, чуть повысив голос.

Господин Тюльпан окинул взглядом комнату.

– Да не, – фыркнул он презрительно. – Мне тоже сначала так показалось, но потом, ять, я понял, что это всего лишь подражание баракко, поздний, ять, восемнадцатый век. Пропорции не выдержаны. И ты колонны в холле видел? А? Эфебские, ять, колонны шестнадцатого века с флеронами, ять, времен Второй Империи Джелибейби! Я чуть со смеху не обоссался.

– Да-а, – протянул господин Кноп. – Как я неоднократно подмечал, ты, господин Тюльпан, не перестаешь меня удивлять.

Господин Тюльпан подошел к занавешенной картине и откинул ткань.

– Не, ну ни ять себе. Это же, ять, сам Леонард Щепотанский! – изумился он. – Я видел репродукцию. «Женщина с дурностаем». Он написал эту, ять, картину сразу после того, как

переехал в Орлею, где попал под влияние, ять, Каравати. Ты только посмотри на манеру письма! Вишь, как линия руки привлекает, ять, взгляд к картине? А качество освещения пейзажа, который виден, ять, сквозь окно! Обрати внимание, как нос дурностояя словно бы следит за каждым твоим движением. Просто, ять, гениально. Честно говоря, я *разрыдался* бы, будь здесь один.

– Да, очень красиво.

– *Красиво?* – переспросил господин Тюльпан, впавший в отчаяние от недостатка вкуса у коллеги.

Он подошел к стоящей у двери статуи, стал пристально рассматривать ее, потом нежно коснулся пальцами мрамора...

– Так я и думал! Скольпини, ять! Готов поспорить на что угодно. Но я не видел эту статую в каталоге. И такой, ять, шедевр оставили в пустом доме, в который любой может войти?!

– Этот дом находится под могущественной защитой. Ты же сам видел печати на двери.

– Гильдии? Толпа *дилетантов*, ять. Мы можем проникнуть в этот дом, как горячий нож в тонкий, ять, лед, ты сам это знаешь. Дилетанты, булыганы и украшения лужаек, ходячие мертвецы... Этот город, ять, полный отстой.

Господин Кноп промолчал. Подобные мысли приходили ему в голову, но его действия (в отличие от действий компаньона) не сразу следовали за тем, что могло сойти за мысль.

Контора и вправду еще ни разу не работала в Анк-Морпорке. Господин Кноп старался держаться от него подальше, потому что, во-первых, хватает и других городов, а во-вторых, инстинкт самосохранения подсказывал: пока лучше бы в Большой Койхрен² не соваться. В самую же первую встречу с господином Тюльпаном у господина Кнопа родился План. Его изобретательность вкупе с беспрестанной яростью господина Тюльпана обещала очень успешную карьеру. До нынешнего момента господин Кноп предпочитал действовать и развиваться в Орлее, Псевдополисе и Щеботане – эти города были меньше Анк-Морпорка, и ими было намного легче управлять, хотя в последнее время они все больше и больше напоминали своего старшего собрата.

Залог успеха Конторы крылся в достаточно простом факте: рано или поздно все – кто угодно! – дают слабину. Взять, к примеру, троллю Брекцию. Стоило проложить маршрут доставки хрюка и «грязи» до самого Убервальда и уничтожить конкурирующие кланы, как тролли сразу поплыли. Их старшие *тонны* стали вести себя как новомодные лорды. Так происходило повсеместно: старые банды и семейства достигали определенного равновесия с обществом и успокаивались, становясь своего рода бизнесменами. Они избавлялись от оруженосцев и нанимали дворецких. А потом, когда начинались трудности и возникала нужда в людях, способных не только действовать, но и думать головой... тогда-то и появлялась всегда готовая помощь Новая Контора.

Готовая на готовенькое.

Господин Кноп считал, что вот-вот придет время нового поколения. Поколения, которое станет делать все по-новому и которое не будет отягощено бременем традиций. Время людей, которые заставляют события происходить. Господин Тюльпан, к примеру, происходил постоянно.

– Эй, ты, ять, только посмотри! – воскликнул постоянно происходящий Тюльпан, открывая очередную картину. – Подписана Гогленом, но это ж, ять, подделка. Видишь, как свет падает? Если это, ять, писал Гоглен, то разве что своей, ять, *ногой*. Скорее всего, халтура какого-нибудь евойного ученика.

---

² Самый редкий и самый зловонный на Диске фрукт, высоко ценимый гурманами (которые редко ценят что-либо дешевое и часто встречающееся). Также жаргонное название Анк-Морпорка, хотя запах фрукта гораздо приятнее.

Всякий раз, когда у компаньонов выдавалась свободная минутка, господин Тюльпан, рассыпая во все стороны абразивный порошок и собачьи таблетки от глистов, отправлялся в обход местных художественных галерей. И господину Кнопу ничего не оставалось делать, кроме как таскаться следом. На этом настаивал господин Тюльпан. Говорил, что это, мол, бесценный опыт. Во всяком случае, кураторы галерей таковой опыт действительно приобретали.

Господин Тюльпан был прирожденным искусствоведом, но, к сожалению, не химиком. Чихая сахарной пудрой и тальком для ног, он посещал частные галереи и разглядывал воспаленными глазками услужливо поданные подносы с миниатюрами из слоновой кости, а господин Кноп в молчаливом восхищении слушал, как его партнер красочно и подробно описывает разницу между старыми подделками, сделанными из кости, и ятскими новоделами, которые ятские гномы изготавливают из ятского рафинированного жира, мела и не менее ятского наклеинового спирта.

Потом господин Тюльпан нетвердой походкой направлялся к коврам и гобеленам, некоторое время рассуждал о способах ковроткачества, пару минут обливался слезами у пастора, после чего заявлял, что выставленному в галерее бесценному сто-латскому гобелену тринадцатого века никак не больше ста лет, потому что... не, ять, ты только глянь на эту вот лиловатость! В то время, ять, такого красителя просто быть не могло! А это что, ять, такое? Агатский котелок для бальзамирования времен династии П'ги Сю? Да вас просто, ять, *обобрали*, господин! Это не глазурь, а полное *фуфло!*

Пораженный до глубины души господин Кноп даже забывал прятать в карманах небольшие, но ценные вещицы. Честно говоря, он знал о том, что господин Тюльпан увлекается искусством. Когда им доводилось поджигать чье-либо жилище, господин Тюльпан всегда старался вынести из дома действительно ценные для истории произведения искусства, пусть даже для этого приходилось тратить время на то, чтобы привязать жильцов к кроватям. Где-то глубоко в этом зарощенном толстым слоем рубцовой ткани и клокочущем яростью сердце пряталась душа истинного ценителя с безупречным чувством прекрасного. Странно было обнаружить ее в теле человека, готового постоянно всасывать в свой нос ароматические соли для ванн.

Огромные двери в противоположном конце комнаты распахнулись, явив темный прямоугольник коридора.

– Господин Тюльпан? – окликнул господин Кноп.

Тюльпан неохотно оторвался от тщательного изучения столика (предположительно работы Топаси) с восхитительной инкрустацией, содержащей безумное количество невероятно редких, ять, пород дерева.

– А?

– Пора на очередную встречу с боссами, – сказал господин Кноп.

Вильям уже собирался навсегда покинуть свою конторку, когда кто-то вдруг постучал в дверь.

Он осторожно потянул за ручку, но внезапно дверь распахнулась от сильного толчка.

– Ты совершенно, абсолютно неблагодарный тип!

Подобное не больно-то приятно услышать, тем более от девушки и тем более что гостья произнесла слово «неблагодарный» таким тоном, что, допустим, господин Тюльпан применил бы тут немного иную характеристику. Типа «ятский».

Вильяму и раньше приходилось видеть Сахариссу Резник – она помогала своему отцу в крохотной мастерской, – однако он никогда не обращал на нее особого внимания. Привлекательная? Нет, не очень. Но и не дурнушка. Просто девушка в переднике, которая довольно элегантно выполняет свою работу на заднем плане, например, вытирает пыль или расстав-

ляет цветы. Пока у Вильяма о ней сложилось единственное впечатление: Сахарисса страдала неуместной учтивостью и ошибочно предполагала, что этикет может заменить хорошее воспитание. Она путала манерность с манерами.

Однако сейчас ему представилась возможность разглядеть ее получше. Сахарисса надвигалась прямо на него – той самой слегка пьяной походкой, которая присуща человеку, идущему на неминуемую гибель, – и Вильям вдруг подумал, что с точки зрения столетий девушка весьма привлекательна. Время идет, и концепция красоты все время меняется. Двести лет назад глаза Сахариссы заставили бы великого живописца Каравати перекусить пополам собственную кисть. А триста лет назад при виде ее подбородка скульптор Никудышный уронил бы долото себе на ногу. А тысячу лет назад эфебские поэты пришли бы к общему мнению, что ее нос отправил бы в путь по меньшей мере сорок кораблей. А еще у нее были хорошенькие средневековые ушки.

Рука, впрочем, была вполне современной. От сильной пощечины щека Вильяма мгновенно запылала.

– Эти двадцать долларов в месяц почти все, что у нас есть!

– Прости? Что?

– Да, согласна, он работает не очень быстро, но в свое время он был одним из лучших граверов в городе!

– О... Да... Э-э...

Вильям вдруг почувствовал приступ вины по отношению к господину Резнику.

– И ты лишил нас всего, взял и лишил!

– Но я же не хотел! Просто гномы... Просто так получилось!

– Ты работаешь на них?

– В некотором роде... С ними, – сказал Вильям.

– Пока мы умираем с голоду?

Сахарисса тяжело дышала. У нее было в избытке и других частей тела, которые никогда не выходили из моды и радостно принимались любым столетием. Очевидно, она полагала, что строгие старомодные платья помогут эти части тела скрыть. Она ошибалась.

– Послушай, я ничего не могу поделать, – взмолился Вильям, стараясь не глядеть на девушку. – Ну, то есть... мне от этих гномов теперь никуда не деться. Лорд Витинари выразился на сей счет весьма... недвусмысленно. Вдруг все стало таким запутанным...

– Гильдия Граверов будет очень и очень недовольна, ты это понимаешь? – спросила Сахарисса.

– Э... Да. – Внезапная, отчаянная мысль пришла в голову Вильяму и обожгла едва ли не сильнее, чем пощечина. – А ведь это интересно. Слушай, ты не хотела бы сделать по такому поводу официальное заявление? Скажем: «Мы этим очень и очень недовольны», – заявил представитель... представительница Гильдии Граверов?

– Зачем? – с подозрением в голосе осведомилась Сахарисса.

– Мне очень не хватает событий. Для моего следующего листка, – в отчаянии объяснил Вильям. – Кстати, ты не могла бы мне помочь? Я буду платить тебе... по двадцать пенсов за событие, и мне нужно не меньше пяти новостей в день.

Сахарисса открыла было рот, чтобы с гневом отвергнуть предложение, но тут в мыслительный процесс вмешались расчеты.

– Доллар в день? – уточнила она.

– И даже больше, если новости будут интересными и длинными! – с жаром воскликнул Вильям.

– Это для твоих писем?

– Да.

– Доллар?

– Да.

Она смотрела на него с недоверием.

– Ты же не можешь платить так много. Я думала, ты получаешь долларов тридцать в месяц. Ты рассказывал об этом дедушке.

– Ситуация немного изменилась. Честно говоря, я сам ничего не понимаю...

Девушка по-прежнему смотрела на него недоверчиво, но врожденный анк-морпоркский рефлекс, предчувствующий некую перспективу получения доллара, постепенно брал верх.

– Ну, я постоянно кое-что слышу. То тут, то там, – промолвила она. – И... записывать всякую всячину? Полагаю, это достойное занятие для дамы. Практически *культурное*.

– Э... По крайней мере, близко к тому.

– Я не хотела бы заниматься тем, что считается... недостойным.

– О, я уверен, это занятие вполне достойное.

– И Гильдия ничего не сможет возразить... В конце концов, ты уже много лет этим занимаешься.

– Послушай, я – это я, – перебил Вильям. – Но если Гильдия решит что-то возразить, ей придется разбираться с патрицием.

– Ну... Хорошо. Раз ты считаешь такую работу приемлемой для молодой дамы...

– Вот и здорово, – кивнул Вильям. – Приходи завтра в словопечатню. Думаю, мы сможем выпустить очередной новостной листок буквально через пару дней.

Это был бальный зал. Благодаря красному бархату и позолоте он все еще выглядел шикарно, но одновременно казался каким-то затхлым из-за царившего тут полумрака. Вдоль стен располагались закрытые тканью канделябры, чем-то напоминающие призраков. Свечи, горевшие в центре комнаты, тускло отражались в зеркалах. Вероятно, эти зеркала некогда оживляли помещение, но с годами они покрылись странными мутными пятнами, а потому огонь свечей напоминал тусклое подводное свечение, пробивавшееся сквозь заросли водорослей.

Господин Кноп пересек половину зала, когда вдруг понял, что слышит только собственные шаги. Господин Тюльпан успел отделиться от своего партнера и уже стаскивал покрывало с какого-то стоящего у стенки произведения искусства.

– Ну и ну, будь я... – восхитился он. – Это же, ять, сокровище! Фига се! Настоящий, ять, Инталио Эрнесто. Видишь эти перламутровые вставки?

– Сейчас не время, господин Тюльпан...

– Он сделал всего шесть таких. Вот ведь ять, инструмент даже *не настроен!*

– Проклятье, нас же считают *профессионалами*...

– Быть может, твой... коллега желает получить его в подарок? – раздался чей-то голос в центре комнаты.

По периметру освещенного свечами круга было расставлено полдюжины кресел – давно вышедших из моды, с высокими изогнутыми спинками, образующими глубокие обитые кожей арки, которые предположительно предназначались для того, чтобы защищать от сквозняков, но сейчас весьма уместно скрывали от света.

Господину Кнопу уже приходилось бывать здесь, и он не мог не восхититься расстановкой мебели. Человек, находившийся в центре освещенного круга, не видел сидевших в креслах, но в то же время сам был как на ладони.

Вдруг ему пришло в голову, что кресла расставлены так еще и для того, чтобы сидевшие в них не видели друг друга.

Господин Кноп по характеру был крысой и совсем не обижался, если его вдруг так называли. В пользу крыс говорит многое. И такая расстановка кресел была придумана тем, кто думал в точности как господин Кноп.

– Твой друг господин Нарцисс...

– Тюльпан, – поправил господин Кноп.

– Твой друг господин Тюльпан, возможно, пожелает получить часть вознаграждения клавесином? – спросило кресло.

– Это вам не какой-то ятский клавесин, а самый настоящий ятский вёрджинел! – прорычал господин Тюльпан. – Одна, ять, струна на ноту вместо двух! А называют его так потому, что вставляет он исключительно, ять, молоденьким дамочкам! Ух, как он им вставляет!

– Ну и ну, неужели? – изумилось одно из кресел. – А я думал, это типа старый рояль!

– «Вставляет» в смысле «нравится», – совершенно спокойно пояснил господин Кноп. – И господин Тюльпан не коллекционирует произведения искусства, он просто... хорошо в них разбирается. Вознаграждение мы получим драгоценными камнями, как договаривались.

– Как будет угодно. Прошу, займите место в освещенном круге.

– Клавесин, ять... – пробормотал господин Тюльпан.

Сотрудники Новой Конторы заняли место в освещенном круге под пристальными взглядами остававшихся невидимыми обитателей кресел.

И обитатели кресел увидели следующее:

Господин Кноп был маленьким, худеньким, и, как следовало из его имени, у него была слишком большая для туловища голова. Его можно было назвать не только «крысой», но и «живчиком». Спиртным он не баловался, тщательно следил за тем, чем питался, и считал свое тело, пусть несколько уродливое, храмом. Кроме того, он слишком обильно смазывал маслом волосы, расчесанные на пробор по центру, что вышло из моды лет этак двадцать назад. Его черный костюм был слегка засаленным, а маленькие глазки постоянно бегали по сторонам, стараясь за всем уследить.

Глаза господина Тюльпана было трудно рассмотреть из-за общей припухлости лица, вызванной, вероятно, неумеренным потреблением всяческих порошков в пакетиках³. Этими же порошками скорее всего объяснялись обширная пятнистость и вздувшиеся вены на лбу. В общем и целом, несмотря на всю свою любовь к искусству, господин Тюльпан был коренастым, здоровенным типом, готовым в любой момент порвать мышцами свою рубашку, и производил впечатление кандидата в борцы, с треском провалившего тест на интеллектуальное развитие. Если его тело и было храмом, то в подвале этого святилища некие странные люди производили странные эксперименты над животными. Если он и следил за тем, чем питался, то только для того, чтобы убедиться, что его обед еще шевелится.

Некоторые из кресел задумались. Не о том, правильно ли они поступают (это было бесспорно), а о том, правильных ли людей они выбрали для того, чтобы так поступать. Господин Тюльпан производил впечатление человека, которого не стоит подпускать слишком близко к открытому огню.

– Когда вы будете готовы? – осведомилось одно из кресел. – Как себя чувствует сегодня ваш... протеже?

– Нам кажется, самым удачным моментом будет утро четверга, – сказал господин Кноп. – К тому времени он будет готов. Насколько это возможно.

– Только никаких смертей, – предупредило кресло. – Это очень важно.

---

³ Мозг, Отравленный Наркотиками, поистине ужасное зрелище, но господин Тюльпан являлся живым доказательством того, что Мозг, Отравленный Коктейлем Из Лошадиной Мази, Шербета И Измельченных Таблеток От Недержания Мочи, ничуть не привлекательнее.

– Господин Тюльпан будет кроток, как ягненок, – пообещал господин Кноп.

Невидимые глаза старались не смотреть на господина Тюльпана, который выбрал именно этот момент, чтобы отправить в ноздрю огромную порцию «грязи».

– Э... Разумеется, – кивнуло кресло. – Его сиятельство ни в коем случае не должен пострадать. Сверх необходимого, разумеется. Мертвый Витинари гораздо опаснее живого Витинари.

– И следует любой ценой избежать неприятностей со Стражей.

– Да, я слышан о вашей Страже, – хмыкнул господин Кноп. – Господин Кривс меня просветил.

– Командор Ваймс руководит Стражей весьма... эффективно.

– Нет проблем, – сказал господин Кноп.

– У него на службе имеется вервольф.

Белый порошок фонтаном взлетел в воздух. Господину Кнопу даже пришлось похлопать своего партнера по спине.

– Вервольф, ять? Вы что, ять, рехнулись?

– Господин Кноп, почему твой напарник постоянно использует это слово? – спросило одно из кресел.

– Да вы, ять, просто, ять, спятили! – прорычал Тюльпан.

– Дефект речи, – пояснил господин Кноп. – Вервольф? Спасибо, что предупредили. Огромное спасибо. Они хуже вампиров, когда идут по следу! Вы в курсе?

– Вы были рекомендованы нам как весьма изобретательные люди.

– Изобретательные, но дорогостоящие, – добавил господин Кноп.

Кресло вздохнуло.

– Иначе редко бывает. Ну хорошо, хорошо. Данный вопрос вы обсудите с господином Кривсом.

– Но у них просто невероятное обоняние, – продолжал господин Тюльпан. – А на кой ять мертвецу деньги?

– Это все? Больше никаких сюрпризов? – уточнил господин Кноп. – У вас очень смысленные стражники, и один из них – вервольф. Это *всё*? Может, там и тролли имеются?

– О да. Несколько. А еще гномы и зомби.

– В *Страже*? Что за городом вы управляете?

– *Мы* не управляем городом, – парировало кресло.

– Но нам не безразлично, в каком направлении он движется, – добавило другое.

– А, – сказал господин Кноп. – Ну да. Помню, помню. Вы – сознательные граждане.

Он и раньше встречал данную категорию людей. Эти люди, где бы ни находились, говорили на одном и том же языке. Выражение «традиционные ценности», к примеру, означало, что «кого-то надо повесить». Подобное отношение к миру его нисколько не смущало, но полное понимание работодателя никогда не бывает лишним.

– И вы могли нанять кого-нибудь еще, – сказал он. – У вас здесь есть Гильдия Наемных Убийц.

Кресло с шумом втянуло воздух сквозь зубы.

– Вся беда с этим городом заключается в том, что некие люди, в остальном весьма разумные, находят существующее положение вещей вполне... удобным. Даже несмотря на то, что оно наносит Анк-Морпорку непоправимый вред.

– А, – догадался господин Кноп. – Это так называемые *несознательные* граждане.

– Именно.

– И много тут таких?

На этот вопрос кресло решило не отвечать.

– Что ж, будем рады встретиться с вами еще раз, господа. Завтра вечером. Надеюсь, вы сообщите нам о своей готовности. Доброго вам вечера.

Новая Контора откланялась. Круг кресел некоторое время молчал. Затем, открыв огромные двери, появилась фигура в черном, вошла в освещенный круг, кивнула и удалилась.

– Они ушли, – констатировало кресло.

– Какие *неприятные* типы.

– Лучше бы мы обратились в Гильдию Убийц.

– Ха! Им и при Витинари очень даже неплохо живется. Кроме того, мы ведь не желаем ему смерти. А для Гильдии у нас и так найдется работа, правда несколько позже.

– Вот именно. Когда наши друзья целыми и невредимыми покинут город... дороги могут быть такими опасными в это время года.

– *Нет*, господа. Давайте придерживаться плана. Пока *все* не успокоится, на случай возникновения непредвиденных ситуаций тот, кого мы называем Чарли, будет находиться у нас под присмотром, а потом наши друзья увезут его далеко, очень далеко, чтобы, ха, воздать ему сполна. И только после этого мы, быть может, обратимся в Гильдию, которая гарантирует нам молчание господина Кнопа.

– Разумно. Хотя, с другой стороны, такое расточительство... Используя Чарли, можно столького добиться...

– Я уже сказал, из этого ничего не выйдет. Этот человек – клоун.

– Полагаю, ты прав. Ну, как говорится, лучше синица в руке.

– Уверен, мы отлично понимаем друг друга. А сейчас... заседание Комитета по разызыбанию патриция объявляется закрытым. И никогда не имевшим места.

По привычке лорд Витинари встал так рано, что сон его можно было назвать лишь поводом переодеться.

Он любил время непосредственно перед зимним рассветом. Город, как правило, окутывал туман, сквозь который почти ничего не было видно, и в течение нескольких часов тишину нарушал лишь редкий крик.

Но на сей раз утренний покой разорвали жуткие вопли, доносившиеся от дворцовых ворот.

– Вдрызьзадрыгай!

Патриций подошел к окну.

– Кальмарнуй-взбрык!

Патриций вернулся к столу и вызвал колокольчиком своего секретаря Стукпостука, который немедленно был отправлен к дворцовым стенам с целью выяснения происходящего.

– Это нищий, более известный как Старикашка Рон, милорд, – доложил Стукпостук через пять минут. – Продает вот эти... листки со всякой всячиной.

Он держал бумажный лист двумя пальцами, словно опасался, что тот вот-вот взорвется.

Лорд Витинари взял у него листок и пробежал по строчкам взглядом. Потом проглядел еще раз, уже более внимательно.

– Ага, – сказал он. – «Анк-Морпоркская Правда», значит. И кто-нибудь покупает?

– Многие покупают, милорд. Люди, возвращающиеся домой с ночной смены, рыночные торговцы и так далее.

– Но тут ничего не говорится ни про Вдрызьзадрыгай, ни про Кальмарнуй-взбрык.

– Абсолютно ничего, милорд.

– Очень странно. – Лорд Витинари углубился в чтение. – Гм-гм. Отмени все встречи, назначенные на утро. В девять часов я приму Гильдию Глашатаев, а через десять минут – Гильдию Граверов.

– Я не знал, что им назначена встреча, милорд.

– Теперь назначена, – сказал лорд Витинари. – Они явятся, как только увидят вот это. Так-так... Здесь написано, что пятьдесят шесть человек пострадали в пьяной драке.

– Не слишком ли много, милорд?

– Вероятно, так оно все и было, Стукпостук. Ведь это отражено на бумаге, – пожал плечами патриций. – Кстати, пошли сообщение этому милому господину де Словву. Я приму его в девять тридцать.

Он снова пробежал взглядом по отпечатанным серой краской буквам.

– А еще сделай так, чтобы все узнали: я не хочу, чтобы господин де Словв вдруг случайно пострадал.

Стукпостук, обычно понимавший хозяина с полуслова, почему-то медлил.

– Милорд, вы не хотите, чтобы господин де Словв пострадал или чтобы господин де Словв *вдруг* да еще и *случайно* пострадал?

– Стукпостук, ты мне что, подмигиваешь?

– Никак нет, милорд!

– Стукпостук, я считаю, что каждый гражданин Анк-Морпорка имеет право ходить по городским улицам, не подвергаясь нападениям.

– О боги, милорд! Неужели?

– Именно так.

– Но я думал, вы выступаете против использования подвижных литер, милорд. Вы говорили, что отпечатать станет слишком дешевой и люди...

– Шиирна-пли! – заорал у ворот продавец новостных листков.

– Стукпостук, ты готов к вступлению в новое, полное событий тысячелетие, которое лежит перед нами? Готов ли ты принять будущее в свои объятия?

– Не знаю точно, милорд. А какая форма одежды для этого требуется?

Когда Вильям торопливо спустился по лестнице, все остальные жильцы уже сидели за столом и завтракали. Он спешил потому, что у госпожи Эликсир было особое Мнение насчет опаздывающих к столу людей.

Госпожа Эвкрязия Эликсир, хозяйка «Меблярованных Комнат для Приличных Работящих Людей», была тем самым будущим, к которому бессознательно стремилась Сахарисса. Сама госпожа Эликсир была не просто приличной, она была Приличной с большой буквы; Приличность заменяла ей стиль жизни, религию и хобби. Госпоже Эликсир нравились приличные люди, которые были Чистыми и Порядочными, и она произносила эту фразу так, словно одно качество непременно тянуло за собой другое. Она предоставляла приличные комнаты и готовила дешевую, но приличную еду. И все ее жильцы, разумеется, были приличными – неженатыми, весьма рассудительными мужчинами средних лет (за исключением Вильяма, который немного не дотягивал до возрастного порога). В основном это были мелкие лавочники и ремесленники; коренастые и чисто вымытые, они носили удобные крепкие башмаки, а за столом вели себя неуклюже вежливо.

Как ни странно, к гномам и троллям госпожа Эликсир не испытывала отвращения. По крайней мере, к чистым и порядочным. Госпожа Эликсир ставила Приличность выше видовой принадлежности.

– Тут говорится, что в пьяной драке пострадало аж пятьдесят шесть человек, – сообщил господин Маклдафф, который на правах постояльца, выжившего в «Меблярованных Комнатах» дольше всех, возглавлял обеденный стол и выступал своего рода местным президентом.

Он купил экземпляр «Правды» по пути домой из пекарни, в которой работал бригадиром ночной смены.

– Подумать только! – изумилась госпожа Эликсир.

– По-моему, на самом деле их было пять или шесть, – поправил Вильям.

– А тут написано: пятьдесят шесть, – упорствовал господин Маклдафф. – Черным по белому.

– Все правильно, – вмешалась госпожа Эликсир. – Если б это не было правдой, разве это разрешили бы отпечатать?

– Интересно, кстати, кто делает этот листок? – спросил господин Ничок, который занимался оптовой туфельно-башмачной торговлей.

– О, для такой работы требуются особые люди, – заявил господин Маклдафф.

– Правда? – спросил Вильям.

– Ну разумеется, – важно кивнул господин Маклдафф, крупный мужчина, мгновенный эксперт в любой области. – Нельзя, чтоб кто попало писал что попало. Этого никогда не допустят.

До расположенного за «Ведром» сарая Вильям шагал в состоянии глубокой задумчивости.

Хорошагора поднял голову от камня, на котором аккуратно набирал шрифт для отпечатки афиши.

– Я оставил тебе твою долю, – сказал он, кивая на верстак.

В основном это были медяки, но медяками набралось почти тридцать долларов.

Вильям уставился на монеты.

– Здесь что-то не то... – прошептал он.

– Господин Рон и его друзья постоянно приходили за добавкой, – ухмыльнулся Хорошагора.

– Но... Но ведь в листке нет ничего особенного, обычные события, – ответил Вильям. – Абсолютно ничего важного... Вещи, которые случаются каждый день.

– Людям нравится знать о том, что случается каждый день, – возразил гном. – Думаю, завтра нам удастся продать раза в три больше, особенно если мы снизим цену вдвое.

– Вдвое?!

– Людям нравится быть в курсе. Это так, мысли вслух. – Гном снова усмехнулся. – Кстати, в задней комнате тебя дожидается молодая дамочка.

Когда сарай был прачечной, то есть еще в «доконную» свою эпоху, часть помещения отгородили дешевыми низкими панелями, чтобы разделить служащих и ответственное лицо, которое, как правило, занималось тем, что объясняло разъяренным заказчикам, куда подевались их носки. Сахарисса с чопорным видом сидела на табурете, крепко вцепившись в сумочку и прижав локти к бокам, чтобы как можно меньше подвергать себя воздействию окружающей грязи.

Она молча кивнула ему.

Ну и... зачем он пригласил ее сюда? Ах да... Она была более или менее разумной девушкой, читала принадлежавшие деду книги, а кроме того, была грамотной, тогда как Вильям в основном имел дело с людьми, которые на обычную ручку смотрели как на какой-нибудь безумно сложный механизм. Что ж, если она знает, что такое апостроф, он готов мириться с тем, что она ведет себя так, будто живет в прошлом веке.

– Это теперь твоя новая контора? – шепотом спросила Сахарисса.

– Полагаю, что да.

– Ты не говорил мне о гномах.

– А ты имеешь что-то против?

– О нет. Гномы, насколько я знаю, очень законопослушные и приличные существа.

Судя по абсолютной уверенности, Сахариссе не доводилось посещать определенные улицы сразу после закрытия трактиров.

– Я уже приготовила целых две новости, – сказала Сахарисса таким голосом, словно доверяла Вильяму некую государственную тайну.

– Э... Правда?

– Дедушка говорит, что такой долгой и холодной зимы он не помнит.

– Неужели?

– А ему восемьдесят. Он прожил достаточно долго.

– О.

– Кроме того, Ежегодное Состязание по Выпечке и Букетчеству, проводимое в «Сестрах Долли», вчера вечером пришлось прервать, поскольку уронили стол с тортом. Я узнала об этом у тамошнего секретаря и все аккуратно записала.

– О? Гм. И ты думаешь, это действительно *интересно*?

Она передала ему вырванный из дешевой ученической тетради листок.

Вильям начал читать:

«Ежегодное Состязание По Выпечке и Букетчеству от “Сестер Долли” состоялось по адресу: Читальный зал “Сестер Долли”, Кассовая улица. Президентом была госпожа Речкинс. Она радушно приветствовала всех участников и поблагодарила за Роскошные Подношения. Призы распределились следующим образом...»

Вильям изучил подробный список имен и призов.

– «А Что Там У Нас В Банке?» Это как? – недоуменно уточнил он.

– Это было состязание орхидей, – объяснила Сахарисса.

Вильям добавил «(состязание орхидей)» и стал читать дальше.

– «Лучшая Коллекция Съемных Унитазовых Чехлов?»

– А что?

– Э... Ничего.

Вильям аккуратно изменил написанное на «Съемных Чехлов Для Унитазов», что едва ли улучшило текст, и продолжил чтение. Сейчас он ощущал себя исследователем джунглей. Из-за внешне невинного кустика мог в любой момент выпрыгнуть какой-нибудь экзотический зверь.

Статья завершалась следующим образом:

«Однако Настроение всех присутствующих было Подмочено, когда голый мужик, преследуемый по пятам Членами Стражи, прыгнул в Окно и промчался через всю Комнату, вызвав немалый Беспорядок в Домашних Торгах, прежде чем быть Героически Остановленным Бисквитами. Состязание закончилось в девять часов вечера. Госпожа Речкинс поблагодарила всех Участников».

– Ну, что думаешь? – поинтересовалась Сахарисса с легким беспокойством в голосе.

– Знаешь, – как бы отстраненно проговорил Вильям, – вряд ли мы сможем как-либо улучшить то, что ты написала. Вот, допустим... Какое событие, по-твоему, было самым *важным* в этом состязании?

Ладошка Сахариссы смятенно взлетела к губам.

– Ах да! Совсем забыла! Госпожа Подлиза получила первый приз за кислое тесто! Впервые за целых шесть лет.

Вильям уставился на стену.

– Здорово, – сказал он. – На твоём месте я бы обязательно осветил этот факт. А также ты могла бы заскочить в штаб-квартиру Стражи, что рядом с «Сестрами Долли», и порасспросить о том голом мужике...

– Ни за что на свете! Я девушка приличная и никаких дел со Стражей не имею!

– Просто узнай, почему за ним гнались.

– Но зачем?

Вильям попытался выразить свою смутную догадку вслух.

– Ну... Люди наверняка тоже захотят узнать об этом.

– А Стража возражать не будет?

– Это же наша Стража. Не понимаю, с чего бы ей возражать. А кроме того, может, ты разыщешь действительно старых людей и уточнишь у них насчет погоды? Вот, например, кто у нас самый старый житель города?

– Не знаю. Скорее всего, кто-нибудь из волшебников.

– Возможно. Не могла бы ты сходить в Университет и спросить там, помнят ли они более холодные зимы?

– Это здесь отпечатывают на бумаге всякие штуки? – раздался чей-то голос от двери.

Голос принадлежал невысокому человечку, чье красное лицо буквально лучилось – так, словно бы он только что услышал какую-то довольно сальную шутку.

– Я вот выращиваю морковь, – сообщил человечек. – И мне показалось, форма одной из морковин очень даже забавна. А? Что скажете? Разве не смешно? Я показал морковину в трактире, так там все чуть с хохоту не померли! Посоветовали обязательно у вас отпечатать.

Он поднял морковку, форма которой действительно была забавной. А лицо Вильяма мгновенно приобрело не менее забавный оттенок.

– Какая *странная* морковка, – сказала Сахарисса, критически рассматривая корнеплод. – Что скажешь, господин де Слов?

– Э... Э... Почему бы тебе не отправиться в Университет? А я разберусь с этим... посетителем, – выдал Вильям, когда почувствовал, что к нему вернулся дар речи.

– Моя жена просто обхихикалась!

– У твоей жены замечательное чувство юмора. Тебе с ней очень повезло, – мрачно заметил Вильям.

– Жаль, вы не умеете отпечатывать картинки, а?

– Очень жаль. Правда, у меня и без того достаточно неприятностей, – буркнул Вильям, открывая блокнот.

Покончив с человечком и его уморительным корнеплодом, Вильям прошел в отпечатный цех. Гномы о чем-то спорили, столпившись вокруг люка в полу.

– Насос снова замерз, – сообщил Хорошагора. – Не можем смешивать чернила. Старина Сыр говорит, где-то рядом был колодец...

Из люка донесся крик. Два гнома полезли вниз по лестнице.

– Господин Хорошагора, назови мне хоть одну причину, почему я должен отпечатать вот это. – Вильям передал ему написанную Сахариссой статью о состязании по выпечке и букетчеству. – По-моему, это просто... скучно.

Гном прочел статью.

– Я насчитал аж целых семьдесят три причины, – сообщил он. – Потому что здесь семьдесят три имени. Думаю, люди придут в восторг, увидев свои имена отпечатанными на бумаге.

– А как насчет голого мужика?

– Да... Жаль, ей не удалось узнать его имя.

Снизу снова кто-то закричал.

– Может, слазаем посмотрим? – предложил Хорошагора.

Вильям ничуть не удивился, обнаружив, что небольшой подвал под сараем построен гораздо добротнее самого сарая. Впрочем, в Анк-Морпорке было полным-полно подвалов, которые на самом деле являлись вторыми или даже третьими этажами древних зданий, построенных в ту или иную прошлую эпоху, когда люди еще считали, что будущее будет длиться вечно. Потом река разливалась, приносила ил, стены надстраивались, а затем все

повторялось вновь... Сейчас Анк-Морпорк стоял в основном на Анк-Морпорке. Поговаривали, будто бы человек с хорошим чувством пространственной ориентации и надежной киркой может пересечь весь город под землей, просто прорубая дыры в стенах.

У одной стены валялись ржавые банки и доски, прогнившие до состояния салфеток, а в самом центре стены виднелся заложённый кирпичами дверной проем, причем эти созданные намного позже кирпичи выглядели куда более дряхлыми и обшарпанными, чем камни, из которых был изначально сложен подвал.

– А что за этой дверью? – спросил Боддони.

– Вероятно, какая-нибудь очень старая улица, – ответил Вильям.

– У улиц тоже бывают подвалы? И что там хранят?

– Ну, когда река, разливаясь, затопляла город, горожане просто надстраивали стены, – объяснил Вильям. – Понимаешь, эта комната некогда находилась на первом этаже. Люди просто заложили кирпичом двери и окна и надстроили еще один этаж. Говорят, в некоторых районах города существует шесть или даже семь подземных уровней. Все они в основном забиты илом. Подчеркиваю, илом. Забиты. Я не просто так упомянул об этом, ведь...

– Я отыскиваю господина Вильяма де Словва, – пророкотал чей-то глас над их головами.

Над люком нависал огромный тролль.

– Это я, – сказал Вильям.

– Патриций ждет тебя, – сообщил тролль.

– Но у меня не назначена встреча с лордом Витинари!

– Конечно, – согласился тролль. – Ты удивишься, когда узнаешь, сколько людей даже не подозревают о том, что у них с патрицием назначена встреча. Так что поторопись. Я бы на твоём месте поторопился.

Тишину нарушало только тиканье часов. Вильям, терзаемый дурным предчувствием, наблюдал, как лорд Витинари, словно бы совсем забыв о его присутствии, уже в который раз читает «Правду».

– Очень интересный... документ, – наконец промолвил патриций, резко откладывая листок в сторону. – Но я вынужден спросить... *Зачем?*

– Это мое обычное новостное письмо, – пояснил Вильям. – Только немного расширенное. Э... Людям нравится быть в курсе.

– Каким людям?

– Ну... Всем. Всяким.

– Правда? Они сами тебе об этом сказали?

Вильям проглотил комок в горле.

– Нет, конечно... Но я уже давно пишу письма с новостями...

– Разным влиятельным заграничным личностям, – кивнул лорд Витинари. – То есть людям, которым *необходимо* знать. Для которых знание – неотъемлемая часть профессии. Но сейчас ты принялся торговать своими письмами на улице. Я не ошибаюсь?

– Все именно так, сэр.

– Интересно. В таком случае, с твоего позволения, я попробую привести одну аналогию. Государство – это в некотором роде старинная гребная галера. Гребцы – на нижних палубах, а на верхней – рулевой и прочие командиры. И все они заинтересованы в одном: чтобы корабль не пошел ко дну. Вот только гребцам вовсе не обязательно знать о каждой мели, которую удалось миновать, о каждом столкновении, которого сумели избежать. Это их только расстроит, а значит, они могут сбиться с ритма, ну и так далее. А гребцы должны грести. Вот и все, что им нужно знать, гм?

– А еще о том, что у них хороший рулевой, – добавил Вильям, не сдержавшись. Фраза вырвалась сама собой. Вырвалась и повисла в воздухе.

Лорд Витинари наградил его взглядом, который длился на несколько секунд дольше, чем это было необходимо. А потом его лицо *вдруг* расплылось в широкой улыбке.

– Определенно. И это они тоже должны знать, ты прав. В конце концов, у нас ведь сейчас век слов. Пятьдесят шесть человек пострадали в пьяной драке? Изумительно. А какие новости ты еще припас?

– Ну... нынешняя зима... довольно холодная...

– Правда? Неужели? Ну и ну! – Лорд Витинари глянул на свою чернильницу, в которой дрейфовал крошечный айсберг.

– Да, а еще возникла небольшая... сумятица... во время состязания по выпечке...

– Сумятица, говоришь?

– Ну, или кавардак⁴. А кроме того... Один человек вырастил овощ забавной формы.

– Вот это новость. Какой именно?

– Очень... занятной, сэр.

– Господин де Словв, могу я дать тебе небольшой совет?

– Конечно, милорд.

– Будь осторожен. Людям нравится, когда им говорят то, что они *уже* знают. Помни об этом. Но когда им говоришь что-то новое, люди начинают нервничать. Новое... понимаешь ли, новое оказывается для них неожиданным. Им нравится узнавать, что, скажем, собака покусала человека, потому что собаки именно так и поступают. Но о том, что человек покусал собаку, людям не хочется знать, потому что так в этом мире случаться не должно. Короче говоря, людям *кажется*, что им нужны новости, но на самом деле они жаждут *страстей*. Вижу, ты уже начал понимать это.

– Да, сэр, – кивнул Вильям.

Он был не совсем уверен, что понял все до конца, однако ничуть не сомневался в том, что непонятая часть ему очень не нравится.

– Вильям, мне кажется, Гильдия Граверов хочет обсудить с господином Хорошагорой ряд вопросов, но лично я всегда считал, что мы должны уверенно двигаться в будущее.

– Разумеется, сэр. Очень сложно двигаться в противоположном направлении.

И снова этот слишком долгий и пронзительный взгляд, а потом лицо патриция как будто замерзло.

– Несомненно. Доброго тебе дня, господин де Словв. И... внимательно смотри себе под ноги. Ты ведь не хочешь и сам стать новостью, а?

Возвращаясь на Тусклую улицу, Вильям раздумывал над словами патриция, хотя на улицах Анк-Морпорка не рекомендуется слишком глубоко уходить в собственные мысли.

Он прошел мимо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, даже не заметив его; впрочем, господин Достабль тоже был слишком занят, чтобы глазеть по сторонам. Рядом с ним стояли целых два покупателя. Два клиента одновременно, если, конечно, один не подначивал другого, – это большая редкость. Но эти два покупателя почему-то беспокоили Достабля. Они слишком внимательно рассматривали его товар.

С.-Р.-Б.-Н. Достабль продавал свои сосиски и пирожки по всему городу, даже у дверей Гильдии Убийц. Он хорошо разбирался в людях и особо тонко чувствовал момент, когда

---

⁴ Слова сродни рыбам, а некоторые виды особо странных рыб могут существовать только в отдельно взятых рифах, которые защищают их от бурной жизни открытого океана. Вот и такие слова, как «сумятица» и «кавардак», можно встретить лишь в определенного рода газетах (подобно тому, как слово «напитки» встречается только в определенных меню). В нормальном разговорном языке эти слова никогда не используются.

следовало тихонько завернуть за угол, а потом ноги в руки – и дёру. На сей раз он выбрал очень неудачное место для торговли. Но убежать было уже слишком поздно.

Ему не часто доводилось встречаться с просто убийцами. С бытовыми – да, неоднократно, но у бытовых убийц, как правило, имелся какой-нибудь мотив, а их жертвами обычно становились либо друзья, либо родственники. И с наемными убийцами Достабль тоже встречался, но убийство по найму – это определенный стиль плюс соблюдение неких правил.

А эти люди были просто убийцами. Тот, что поздоровее, со следами белого порошка на груди и насквозь провонявший нафталином, был самым обычным громилой, ничего особенного, но от того, что поменьше, с прилизанными волосами, пахло мучениями и какой-то извращенностью. Не часто приходится смотреть в глаза человеку, который может убить просто потому, что это показалось ему удачной идеей.

Осторожно передвинув руки, господин Достабль открыл специальное отделение лотка, где хранился высококачественный товар. Там лежали сосиски, в состав которых входило: 1) мясо, 2) известного четвероногого животного, 3) вероятно, обитающего на земле.

– Но, господа, лично я рекомендую вам вот это, – сказал Достабль и, не в силах противиться старым привычкам, добавил: – Первокласснейшая свинина.

– Значит, рекомендуешь?

– Вкус незабываемый, это я гарантирую.

– А как насчет чего-нибудь этакого? – спросил второй мужчина.

– Прошу прощения?

– Ну, ять, с копытами, свиными пяточками и крысами, которые случайно упали в мясорубку?

– Господин Тюльпан имеет в виду, – пояснил господин Кноп, – более *органические* сосиски.

– Ага, – подтвердил господин Тюльпан. – Органическое мне, ять, втыкает.

– Э-э, а вы уверены?.. Нет-нет, все в порядке! – резко вскинул руки Достабль при виде того, как изменились лица убийц. Эти люди были уверены всегда и во всем. – Та-ак, значит, вам нужны пло... менее хорошие сосиски, верно?

– Чтоб, ять, когти внутри, все такое, – сказал господин Тюльпан.

– Ну, я... я вообще-то... честно говоря... – Достабль сдался. В конце концов, он был продавцом. А что покупается, то ты и продаешь. – Позвольте же кое-что рассказать вам об этих сосисках, – продолжил он, плавно переключая внутренний двигатель на обратный ход. – Если кто-нибудь случайно отрубает себе палец на бойне, никто ведь мясорубку не останавливает. Но крыс в них вы скорее всего не найдете, потому что крысы предпочитают обходить это предприятие стороной. Зато там имеются животные, которые... ну, вы ж понимаете, говорят, жизнь зародилась в своего рода супе... То же самое можно сказать и об этих сосисках. Если вам нужны плохие сосиски, лучше этих вы не найдете.

– Ты приберегаешь их для особых покупателей, да? – спросил господин Кноп.

– Для меня, господин, каждый покупатель – особый.

– А перчица у тебя есть?

– Люди называют это перчицей, – понесло Достабля, – но лично я называю это...

– Перчицу, ять, я люблю, – сообщил господин Тюльпан.

– ...Просто *изумительной* перчицей, – мгновенно сориентировался Достабль.

– Берем две, – сказал господин Кноп, даже не собираясь вытаскивать кошелек.

– За счет заведения! – воскликнул Достабль, оглушил две сосиски, вложил их в булочки и протянул покупателям.

Господин Тюльпан заграбастал обе сосиски и прихватил перчицницу.

– А знаешь, как в Щеботане называют сосиски в тесте? – поинтересовался господин Кноп, когда они двинулись дальше по улице.

- Нет, – сказал господин Тюльпан.
  - Они называют их «сосиска в ля тесте».
  - Разве ж это по-инострански? Ты, ять, шутишь?
  - Я, *ять*, никогда не шучу, господин Тюльпан.
  - Ну, то есть скорее они должны называться как-нибудь более экзотично... К примеру, «сосу ля тестикль», – сказал господин Тюльпан и щедро откусил от продукта Достабля. – Ять, на вкус так точь-в-точь... – пробурчал он с набитым ртом.
  - Слово «тесто» переводится немного иначе, господин Тюльпан.
  - Сам знаю. Я ж говорю о вкусе. Эта сосиска – настоящий кошмар.
- Достабль проводил их взглядом. Ему еще ни разу не доводилось слышать подобную манеру речи. Кроме того, буква «ять» в Анк-Морпорке была отменена давным-давно.

Огромная толпа собралась у высокого здания на Желанно-Мыльной улице, а повозки выстроились аж до самой Брод-авеню. Толпа просто так не собирается, логично рассудил Вильям, а значит, кто-то должен написать о причине подобного сборища.

В данном случае причина была очевидной. На плоском карнизе у окна пятого этажа, прижавшись спиной к стене, стоял мужчина и остекленевшими глазами таращился вниз.

Собравшаяся толпа отчаянно пыталась ему помочь. Привыкшие ко всему жители Анк-Морпорка вовсе не хотели его ни в чем *разубеждать* – это было не в их натуре. В конце концов, они жили в свободном городе. Поэтому и советы были свободными и бесплатными.

– Заберись лучше на здание Гильдии Воров! – кричал один мужчина. – Целых шесть этажей и крепкая булыжная мостовая внизу! Череп раскroiшь с первой же попытки!

– И вокруг дворца неплохая мостовая из плит, – заметил стоявший рядом.

– Ага, точно, – подтвердил следующий. – Но попытайся он спрыгнуть с дворца, патриций его убил бы.

– Ну и что?

– Тут ведь главное *стиль*...

– Башня Искусства! Рекомендую, лучше не сыщете, – уверенно заявила одна дама. – Девятьсот футов почти. И вид открывается прекрасный.

– Согласен, согласен. Но слишком долго лететь, успеешь о многом подумать. По моему, не самое удачное время для самоанализа.

– Послушайте, у меня целая телега креветок, и, если я задержусь здесь еще хоть немного, они отправятся домой своим ходом, – простонал возница. – Чего он не прыгает-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.